

**ОТКУДА ИДЕТ
РУССКАЯ ЗЕМЛЯ,
ПО СКАЗАНИЮ НЕСТОРОВОЙ ПОВЕСТИ
И ПО ДРУГИМ СТАРИННЫМ ПИСАНИЯМ
РУССКИМ.**

СОЧИНЕНИЕ

Михаила Максимовича

**Орд. Профессора Русской Словесности
в ИМПЕРАТОРСКОМ Университете Св. Владимира.**

КИЕВ

В Университетской Типографии.

1837.

«...Откуда есть пошла Русская Земля,
кто в Киеве нача первее княжити, и
откуда Русская Земля стала есть.»
Нестор.

«Не праведно рассуждает, кто
Варяжское имя приписывает одному
народу. Многия сильныя доказательства
уверяют, что *Варяги* от разных племен и
языков состояли».
Ломоносов.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**по определению 1 Отделения Философского Факультета
Киев, Генваря 8 дня, 1837 года.**

Ректор Университета *Владимир Цых.*

ПАМЯТИ ЛОМОНОСОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляю вниманию и суду Читателей краткое исследование о Руссах и Варягах в нашем Отечестве, по сказанию об них Преподобного Нестора, которое я старался согласовать с другими нашими, особенно древними писаниями, и изъяснил оное несколько иначе, чем другие; ибо, по моему исследованию, ни у одного Русского писателя до XIX в. не видно мысли чтоб Руссы были Скандинавы.

Для определения Несторова мнения, приняты мною в основание два списка его Повести временных лет: *Лаврентьевский*, написанный в Суздале Иноком Лаврентием 1377 г., и *Ипатьевский*, написанный также в XIV в. (по мнению Карамзина) и вероятно в Южной Руси, — как два *древнейшие*, а потому если и отступившие от подлинника Несторова, то немного и не во многом. Первым из них я пользовался по печатному изданию Тимковского (М. 1824), прерывающемуся 1019 годом, утверждением Ярослава в Киеве; вторым — по Шлецерову Нестору (в Русском переводе Языкова Спб. 1809—19), оканчивающемуся 980 годом, началом княжения Владимиров в Киеве. Прочие списки Русской Летописи принадлежат позднему времени, и за исключением *Кенигсбергского* (XVI в. по Карамз.), представляют иногда значительные отмены против двух первых, сообразно мнениям, какие в средние времена были; почему в таком значении я и принимал сии отмены, часто между собою совершенно сходные.

Для означения же того, что называю я древним, средним, новым периодом нашей Словесности, нелишним почитаю здесь представить принятое мною деление оной на *периоды* и *отделы*.

I-й *Период*, *Древний* — от 60-тых годов IX века до последней четверти XIII-го.

В 60-тые годы IX века, началась новая жизнь Русской Земли, с пришествием Руссов; началось Русское Православие; составила Словенская грамота, книжный Словенский язык и переложения на оные Священных и Церковных Книг, на коих основалось и утвердилось Русское Просвещение в Киеве.

Господством сих Книг, книжно-Словенского языка и влиянием *Греко-Восточного Просвещения* ознаменован сей древний период.

Я разделяю древний период на 3 отдела:

1-й отдел — до кончины Ярослава, 1054.

2-й отдел — до кончины Мономаха, 1125.

3-й отдел — до конца древнего Стольного Киева, с переселением Русского Митрополита в Северовосточную Русь.

II-й *Период*, *Средний* — от последней четверти XIII-го по XVIII-й век.

Переселение Русского Митрополита из Киева во Владимир-Залеский и первым там Собором 1274 г., положено начало обновления умственной и общественной жизни Северовосточной Руси и того влияния на нее *Русского Духовенства*, какое особенно было в сей период, — означенный с другой стороны влиянием *Латино-Западного* Просвещения на умственную жизнь Южной и Западной Руси, с которыми вместе оно перешло и в Великую Россию. Кроме того сей период ознаменован сильным раскрытием на Православии утвержденной

Русской народности, и ее беспримерно-богатым проявлением в народной Поэзии Великорусской и Украинской.

Я разделяю Средний период на 3 отдела:

1-й отдел — до исхода XV века.

2-й отдел — до исхода XVI века.

3-й отдел — до конца XVII века.

III-й *Период, Новый* — XVIII-й век и первая четверть XIX-го.

В 1700-м году, с утверждением полного Единовластия Петра Великого, начались Его нововведения в России и преобразование оной по образцу Европейскому, чем и положено начало *Гражданско-Русского Просвещения* под влиянием Ново-Европейского. (В 1700 г. между прочим прекратилось Русское Патриаршество, начался Новый год с Генваря, новое летоисчисление с Р. Х.). — Стремлением к *Европеизму*, переимчивым подражанием ему и его усвоением ознаменован сей новый период, который я разделяю на 4 отдела:

1-й отдел — до века Елисаветы, по 1740 год (до Ломоносова).

2-й отдел — до кончины Екатерины Великой, 1796 года (до Карамзина).

3-й отдел — до 1812 года (до Жуковского).

4-й отдел — до кончины Александра I, 1825 г (Карамзин-Историк предозначает новейшее направление Русской Словесности).

IV-й *Период, Новейший* или *Современный*.

В нынешнее историческое Царствование возродилось общее стремление к *самобытному* и своеобразному раскрытию *Русского духа* во всех отраслях жизни, по собственной мысли и в своем виде, — означилось *просвещенное* обращение к *своенародности* и *положительности*: ибо раскрытием народности мы были богаче всех, а стихия былевой (исторической) положительности была всегдашним, природным свойством народности нашей — в самой Поэзии.

«С е Р у с и я — уродившись в Вере Православной, за слушную речь почиталем, абы ведал сам и иным Руским сыном сказал: отколь Русь почалася, и як Панство Руское, за початку ставши, до сего часу идет.»

Закрываю мое Предисловие сими словами Киевского инок Феоносия Софоновича, из его *Хроники з Летописцов стародавних*, 1672 г.

1. Декабря, 1836 г.

М. Максимович.

К и е в .

О РУССАХ И ВАРЯГАХ.

§ 1.

По Словенски *языком* называется и собственно язык, и народ. Такое двойственное значение сего слова, равно и его образование из слова яз или аз, я — имеют основанием своим ту верную мысль, что в языке выражается личность народа, и обличают глубокое чувство и сознание сей личности у племени Словенского.

История Словесности и языка каждого народа должна идти рядом с Историей самого народа, тем более, что сия последняя и основывается преимущественно на памятниках Словесности и языка.

При наследовании языка Русского, при изъяснении свойств его и определений стихий, вошедших в его состав еще в древнем периоде, необходимо сперва определить: от каких народов могло быть влияние на язык старожилы России — *Восточных Словен?* ⁽¹⁾

Но при этом неизбежно прикасаешься к тому вопросу, который так важен для нашей Истории, так занимателен и вместе затруднителен для нашей исторической Критики; на который она, при всем многообразии соображений и мнений своих, дает ответы решительные, но не дала еще решения окончательного. Я разумею вопрос; от кого досталось народу и языку нашему имя Руси, объединившее собою Восточных Словен, вошедших в состав России? И если это имя не было общим для них издревле ⁽²⁾, то какому народу принадлежало оно прежде — Словенскому, или не-Словенскому, и какому именно?

С тех пор как Шлецер в своем Несторе (1802 г.) обновил возникшее за 100 лет мнение Байера ⁽³⁾ или точнее сказать мнение Тунмана о Варягах и Руссах, — учение о Скандинавском происхождении Руси пересилило собою мнения прежде бывшие у нас на Руси, от Нестора до Ломоносова и Болтина; и этому учению последовала большая часть наших лучших, всем известных писателей по Русской Истории. — Еще прежде Шлецера, бывший Адъютантом Байера Миллер хотел было в Академической Речи (О начале народа, и названия Русского, 1749) провозгласить Скандинавское происхождение Руси. Но в ту пору всеобъемлющий Ломоносов остановил его; а потом уже и сам Миллер был против одного мнения и приблизился к мнению Ломоносова, который, по выражению Шлецера, и в Истории был оракулом для Русских, — который и в этом случае сделал то же, что и с языком Русским. В полновесной речи Ломоносова слились и древняя Словенщина, и Латинь, и Германизм; в историческом его мнении о Руси совместились прежние начала, коими изъясняли ее происхождение. По его мнению, Варяго-Руссы были Словенский народ, древле переселившийся на Варяжское Поморье с Волги, поныне Мордвою называемой *Ра*, — вышедший оттуда вместе с Аланами, потому и названный Роксаланами и Алан — Орсами ⁽⁴⁾, а сам по себе называвшийся Россами, Россанами (и даже Ранами, от р. Ра, как называет Гельмольд Словен Ругийских); по переселении их в Россию, прежнее местопребывание их в Помории назвалось Поруссией или Пруссией, не по соседству, а по наследованию (см. его *Древнюю Российскую Историю*, 1766, и в *Крат. Российском Летописце*, 1760).

В 1768 г. Миллером издан 1-й том Истории Российской Татищева (дотоле ходившей в рукописях), в коей Руссы производятся от *Финнов* (а Рюрик от Королей Лифляндских). Сие мнение между писателями нашими имело многих последователей ⁽⁵⁾ и было господствующим до Истории Карамзина.

Но после того, как Шлецерово мнение принял Карамзин, впрочем поворотивши его несколько на Ломоносовское (ибо Руссов Шведских он провел к нам через Пруссию), — у нас стало господствовать покрываемое именем Нестора мнение, будто Руссы были народ Скандинавского или Гото-Немецкого племени. — В следствие того, новый Историк наш Полевой принял за основное предположение, что Скандинавами начинается История Русского народа, и с них начал свою Историю (1829). Но Сенковский полагает, что покоренные Руссами-Скандинавами Словены и Финны *обрусели* прежде, чем покорители их забыв наречие свое сделались *Человеками* т. е. Словенами; что овлажденные Руссами, с принятием их имени, неминуемо должны были утратить свою народность и сделаться Скандинавами в образе мыслей, нравах и даже занятиях. Русский язык называет он химическим соединением Словенского и Скандинаво-Немецкого, с примесью Финского, и говорит, будто даже Запорожские Казаки говорили Скандинавским языком, а начало Украинских Дум сопряжено с Исландскою Словесностью (Сагою); Запорожье называет он *Днепровскою Скандинавиею Руссов*.⁽⁶⁾

Может быть такое впадение в излишество и в крайность учения о Скандинавском происхождении Руси предвещает, что сему учению приходит уже конец: ибо таким явлением обыкновенно кончались не только многие системы Философии и других наук, но и разные стремления и направления в других отраслях мысли и жизни частной и общественной. Впрочем это покажет время! А между тем, как распространялось и доходило до такой крайности это учение, продолжались и особенно в последнее время являлись мнения противоречащие Скандинавству Руссов, — и замечательно, что в большей части их обновлялись многие из прежних мнений с новою вероятностью и в новых видах.

Будем надеяться что новый Историк-Критик все это разнообразие мнений приведет к одному знаменателю, и из хаоса писаний Византийских, Арабских, Западно-Европейских, Скандинавских и своих Отечественных, отделит свет истины от тьмы недоумения и сомнения. Но пока совершится это, пока раскроется положительно древнейшая История Руссов, определится точнее и подробнее переходное их и распространение в нашем Отечестве, — мы удовольствуемся для нашей цели своими Русскими Писателями, особенно Нестором, и непосредственно из них самих (соображая по возможности и с иноземными писателями) изложим: как думали у нас на Руси о Руссах и Варягах, сих первостепенных деятелях в начале Земли Русской? Этим историческим изложением мы покажем понятия писателей, кои сами по себе составляют предмет наших занятий (Истории Русской Словесности); вместе с тем, разрешим себе и подлежащий вопрос о племени Руссов и Варягов, сколько нужно для нашей цели.

§ 2.

Из Летописи Русской видно, что Нестор входил уже в *соображения* о начале прозвания Русской Земли, (без чего нельзя было, кажется, и обойтись писавшему о событии сем спустя два века); видно, что переименование Восточных Словен общим именем Руси занимало и его самого, и его переписчиков и продолжателей в средние времена: так, что Летопись Русская в сем отношении представляет не простое сказание о событиях, но *мнения исторические*.

Приступая к собственно-Русскому Бытописанию Нестор говорит: Русская Земля начала так прозываться при Греческом Царе Михаиле, начавшем царствовать в 852 году. «В лето 6560, Индикта 15 день, наченшю Михаилу царствоваши, начася прозываши Руска Земля.»

Сказав это, он тотчас же объясняется следующими словами: «О сем бо (то есть, о начале прозвания Земли Русской) уведахом, яко при сем Цари приходиша

Русь на Царьгород, яко-же пишется в Летописаньи Гречьстем: тем-же отселе почнем и числа положим.» Здесь разумеется нашествие Руси на Царьгород, под предводительством (владевших Киевом и землею Полянскою) Оскольда и Дира, на 14-м году царствования Михаила; следственно в 866 году, который у Нестора и относится к началу Русской Земли⁽⁷⁾, в котором действительно приходили на Царьгород Руссы, по сказанию многих Византийцев⁽⁸⁾.

И так из сего ясно, что Нестор потому *отселе* начал собственно-Русское Бытописание, что имя Руси нашел он именно в это время *историческим*, ибо Летописание Греческое было для [него исто]*рией Всемирной; ясно также, что название *Русской Земли* он производит от *Руси, ходившей в 866 году на Царгород*, с Оскольдом и Диром, из Киева. Это основное, авторитетом Греческого Летописанья утвержденное положение у Нестора очевидно из его слов не подлежащих никакому сомнению.

В подкрепление сего надо припомнить, что эти Руссы были первыми Христианами Русскими, принявшими тогда же Крещение, чудесным действием Святой Богоматери Влахернской — в Патриаршество Фотия, который обращением сих Руссов хвалился в окружной грамоте своей 866 года⁽⁹⁾. — По этим Руссам Земля наша причислена к Грековосточной Церкви, и считалась ее 60-м Архиепископством⁽¹⁰⁾.

Оскольд же и Дир суть первые *Русские* Князья в Киеве⁽¹¹⁾, — в котором водворившись 864 г. скоро сделали они грозным на Черном море имя *Руси*, и в котором княжили они около 18 лет, до нашествия Олега (882). Ими был заключен и первый договор или *уряд* Руси с Греками⁽¹²⁾; и вообще начались наши сношения с Царемгородом, как сношения *Руси*, ибо Киев имел оные гораздо давнее.

По этим Руссам, весьма усилившимся (в княжение Оскольда и Дира) на Северных берегах Черного или Синего Моря, может быть и море сие прослыло *Русским*⁽¹³⁾, — подобно тому как море Балтийское (с Немецким), по Варягам назвалось *Варяжским*: то в другое имя у Нестора и у Арабских писателей.

§ 3.

Но откуда в когда пришли в Киев эти Руссы, и какого они были племени? — Сие можно разрешить читая далее Повесть Несторову — от призвания Рюрика до завладения Олегом Киева, и из его космографического Введения.

Новгородские Словены, Кривичи и Чудь, по изгнании от себя Варягов, коим они платили дань, и после междоусобиц, решились *поискать* себе Князя, который бы владел ими и судил по праву. В 862 г. они пошли за море к *Варягами к Руси*: ибо так звались те Варяги, как другие зовутся *Свеями*, другие же *Урманями*, *Англянами*, другие *Готами*. («Сице бо ся зваху ты Варязи суть; яко се друзии зовутся Свое, друзии же Урмане, Англыане, друзии Гьте; тако и си». *Лавр. сп.*).

Из этого повествования Нестора всего более заключают, будто он считал Руссов народом племени Скандинавского. Но из этих слов его видно только то, что он *Варягами* называл не одних Шведов, Норвегов, Англан и Готов (народов Немецкого племени), но также и *Русь*; однако совсем еще не следует из сего одного места, чтобы Руссы были и племени Скандинавского, а кроме сего ни откуда уже более из Нестора того не следует!

Руссы на Севере могли именоваться *Варягами*, причисляться к ним, и не быв соплеменниками прочих Варягов; но по общему пребыванию их на *Варяжском* море, — по одинакому с ними на море том образу жизни *Варяжскому*, и даже может быть по участию своему в их подвигах на суше.

* В оригинале пропуск двух слов (*Примечание редакции*).

Таковыми действительно и были многие из Северозападных Словен Поморских, между коими были сильнее всех, особенно славились на море *Ружане*, называвшиеся *Ругиянами*, *Ранами* и *Руссами*.

Так Луитпранд (X в.), говоря об Игоровом походе с *Руссами* или *Россами*, называет их еще и *Норманнами*, именно «*a positione*» как народ *Северный* «sub Aquilonis parte constituta».

А что эти Варяги-Руссы были Словены, это увидим далее из Нестора; увидим также, что у Нестора Русь и Варяги строго различаются при описании Отечественных событий; что к Варягам причисляется у него только та Русь, которая пребывает у Варяжского моря, в отличие от перешедшей уже к нам Руси.

Подобно сему иноплеменные нам Варяги у нас, в Русской Земле, принимали иногда имя Руси, но как местное и временное, по службе своей.

Варяжский и Новгородский Князь Олег, по завладении Киевом, назвался *Русским Князем* ⁽¹⁴⁾, — также, как после Литовский Князь Гедимин, сделав то же (1320), назвался и *Князем Русским*; как Польский Король Казимир, по овладении Галицией или Червоною Русью (1340), назвался и *Королем Русским*.

§ 4.

Перейдем к призванию Князей и пришествию с ними Руси в землю Новгородскую.

«Ркоша Русь, Чудь, Словене, Кривичи и Вся ⁽¹⁵⁾: земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет; да пойдете княжить и володети нами!» Вследствие сего призвания — «изъбрашася три братья с роды своими, пояша (взяли) по себе всю Русь, и придоша.»

Рассмотрим сначала призвание, одно из трудных мест для объяснения, по самой краткости своей.

В списке Лаврентьевском — «реша Русь»; в Ипатьевском — «ркоша Русь».

По буквальному смыслу обоих древнейших списков выходить, будто *Русь* участвует в призвании Князей и говорит заодно с Словено-Чудскими послами — (в качестве ли посредников, или полководцев — это неизвестно, да и здесь для нашего вопроса еще неважно); а потому и надо бы предположить, что искатели Князя, пойдя за море к Варягам-Руси, звали их княжить на свою сторону и говорили сначала им свою речь; но на оную видно из той Руси вызвались не Князья, а просто только охотники идти в Новгородскую землю, — и по их указанию и в их сопровождении послы обратились с своею речью к Рюрику, Князю других Варягов, ближайших (по связям и отношениям или по соседству) к той Руси ⁽¹⁶⁾.

В Кенигсбергском списке, вместо «реша Русь», поставлено «реша Руси», — что предпочел и Тимковский, при издании Лаврентьевского списка. Если и так принять, то сущность дела мало изменится: пусть искатели Князя сказали речь свою только Руси; все же от этой Руси сведал Рюрик о призвании, и воспользовался оным.

В прочих позднейших списках поставлено уже «реша Варягом»; Рюрик с братьями названы «Князьями Немецкими, избравшимися, от Немец»; вместо «пояша по себе всю Русь» говорится «пояша с собою, *дружину многу*», а в Полетиковом списке вместо «идоша к Варягом к Руси» поставлено «идоша к *Варягом из Руси*.»

Тут уже нет Варягов-Руси, — и уже не Несторово сказание, а мнения переписчиков средних времен, которые под Варягами разумели Немцев, а Руссов отличали от них, и производили большею частью от Росса, упоминаемого в Библии у Иезекииля, — думая первое может быть по старинному народному, преданию, а во втором утверждаясь мнением Макария, от которого особенно распространилось оное, и по влиянию которого в Степенной Книге сказано: «послаша Русь к Варягом..... и приидоша из за моря на Русь».

Обратимся к Нестору. У него не сказано от каких именно Варягов избрался Рюрик; но у него Варяжская Русь показана вообще на Прибалтийском Западе, за Поморьянами или за Одером, — и по соображению сего показания с его словами, «идоша за море к Руси,» я думаю, что это скорее всего могли быть Ружане или Руссы острова Ругена, лежащего недалеко от Южной Ютландии. А как в то время усиления Норманских находов, *волком рыскал*⁽¹⁷⁾ по Северозападу сын Короля Ютландского Гальфдана *Рорик* или *Рёрик*, и сказания об нем Западных Летописей замечательно совпадают с повествованием Нестора о Князе Рюрике; то и можно почти наверное положить, что сей Рорик и наш Князь Рюрик были одна и та же особа⁽¹⁸⁾. Без сомнения он был очень готов княжить в обширном Острагарде, который сам напрашивался *под его руку*. — Под знамена сего «Немсаго Князя» (*Арх. Лет.*) набралось много Руси, как видно из слов Нестора; и таким образом Руссы пришли в Новгородскую землю в числе Рюриковой дружины, которой знатнейшую часть составляли по всей вероятности однородные ему Варяги—Даны.

§ 5.

Местопребывание *Руси* на Прибалтийском Западе по Нестору можно определить из его космографического Введения в связи с вышеприведенным (§ 3) исчислением народов Варяжских (*Свеи, Урмане, Англяне, Готы*).

Нестор говорит (*Лавр. Сп.*): «Ляхове же, и Прусси, Чюдь приседяшь к морю Варяжскому; по сему же морю седять Варязи семо ко вьстоку до предела Симова; по тому же морю седять к западу до земли Агнянски и до Волошьски; Афетово бо и то колено: Варязи *Свеи, Урмане, Русь, Агняне*.»

И так Варяги во-первых седят по Варяжскому морю к Востоку от *Поморской Чуди* (Эстляндской). Кто эти Варяги — у Нестора не сказано; поелику-же между Варягами, седящими к Западу, не упоминаются Готы, то не разумел ли Нестор сих заморских обитателей Готского берега? Но кроме того под Восточными Варягами, простирающимися до предала Симова, он весьма мог разуметь Варягов насельников но нашему Северу.

Западные Варяги у него считаются по порядку к Западу: по ту сторону моря — *Свеи, Урмане*; по сю сторону — *Русь, Англяне*.

Между Западными и Восточными Варягами приседят к морю, начиная с Востока: Чудь (Поморская), Пруссы и Ляхи. Ляхи у Нестора показаны на Висле; к Ляхам он причисляет *Лутичей, Мазовшан* и *Поморян* (говоря: «Ляхове друзии Лутичи, или Мазовшане, или Поморяне»)

И так Западные Варяги на Южном Помории по Нестору начинаются там, где кончатся *Поморяне* (собственным именем означенные и причисленные к Ляхам) и простираются на Запад до *Земли Волошской* (Франции). А на этом пространстве от Одера к Эльбе, в этой terra incognita для Империи, — вплоть от Поморян жили также народы Словенские. Посему и видно, что к Варягам относятся у Нестора эти Словенские народы. За Одером жили *Руссы*, под разными видоизменениями своего имени⁽¹⁹⁾, — *Вильки* (Меклембургцы), *Вагры* (Голштинцы); но из всех их, а может быть и для всех их, у Нестора одно только имя — *Русь*; а за Русью — *Агняне* или *Англяне*, самые Западные Варяги. Но ближайшими к нам и к Поморьянам Руссами были Ружане, жители Острова Ругена. Сии Руссы у Словенских народов пользовались особенною известностью по торговле, морской силе и оракулу своему, на поклонение коему ходили они; да и Нестор говорит «идоша за море»; посему я и предполагаю, что всего скорее к ним могли попасть Новгородские искатели Князя. — Естественно, что с просьбою к себе на княжение они обратились к Руссам, как к своим соплеменникам; а не пошли к прежним, без сомнения ближайшим

Варягам, коих власть и право уже нехотя раз испытали и коих они прогнали, как врагов своих: эти Варяги и без них знали, что Земля их велика и обильна»...

Слова Нестора «попяша по себе всю Русь» значат не то, чтобы Русь тогда совсем уже не осталось на прежнем ее месте. Рюрик взял с собою «всю Русь» при нем бывшую или к нему приставшую: это понятно и без перемены этих слов на «дружину многу», сделанной позднейшими переписчиками. Руссов довольно оставалось еще на Западе, за Одером и в XI веке; потому-то Нестор в своей Космографии и упоминает *Русь* дважды: один раз — как общее имя наших Восточных, уже Русских Словен и переселившихся к ним Руссов; а в другой раз — как народ еще Западный и Варяжский. И Шлецер понапрасну в обоих этих местах Несторово слово *Русь* почитал вставкою переписчика; а «дружину многу» позднейших переписчиков предпочитал *всей Руси* Нестора.

А что действительно Русь оставалась еще после 862 года на Западе за Одером, где показывает ее Нестор, и что эти Руссы были Словены, тому, к прежде-известным у нас сведениям, Морошкин⁽²⁰⁾ нашел новые, ясные доказательства в Западных писаниях, коими до него не воспользовались Критики. Особенно важно известие об участии Русского Князя (Princers Russiae) *Велемира*, Русского Герцога (Dux Russiae) *Радеботта* и Ружского Князя *Венцеслава* (Pr. Rugiae) в Магдебургских Турнирах Генриха Птицелова 938 г. Ибо из сего видно (по условиям Турнира), что эти *Russia* и *Rugia* в первой половине X века были в пределах Римской Империи; что эти Русские Князья были Вассалами Императора, были веры Западной, которая до Нестора еще называлась у нас *Варяжскою* (см. § 9), а в средние времена *Немьскою* (*Соф. Врем.*).

Самые имена этих Русских Князей: Велемир, Радеботто, Венцеслав, суть Словенские. Там же за Одером (в *Рудении*, по Силезским Грамотам) встречаются фамилии с Русским окончанием *-ов*, какое не свойственно Скандинавским именам, — равно и деревни с окончанием *-ово* (напр. Завидово), реки с окончанием *-иха* (Сенниха, Десниха, Юниха). — Но Варяжские имена наших первых Князей; Рюрик, Трувор, Олег, Игорь, Оскольд, — имена других находников Варягов, суть не Словенские, а Скандинавские. Так и между послами в Олеговом Договоре различаете Карла, Руальда, от Вельмудра; в Игоревом Договоре: Ивора, Акуна, Грима, от Прастена, Володислава, Воика.

§ 6.

Посмотрим теперь на появление Руси в Киеве.

По приходе своем с Русью в Новгородскую землю «старейший Рюрик седе в Ладозе⁽²¹⁾, а другой Синеус на Белеозере, а третий (в) Изборьсте Трувор. От тех прозвася Руская Земля, Новугородьци: ти суть людье Новугородьци от рода Варяжска, преже бо беша Словени.»

Из этих слов Шлецер заключил, будто у нас Русскою Землею назвался сначала и долго назывался один Север, и именно Новгород⁽²²⁾. Но сего опять не следует ни из самих этих слов Нестора, ни из первого положения его о прозвании Русской Земли (§ 2), ни из его дальнейшего повествования.

По-моему смысл этих слов такой, что *от тех* пришельцев или находников получили свое прозвание и *Русская Земля*, и *Новгородцы*, коих предки — старожилы или насельники Новгородские — назывались прежде Словенами.

Русская Земля так прозвалась *от тех*, разумеется от Руссов; ибо от Варягов она скорее прозвалась бы Варяжскою. О сем прозвании Нестор объяснился уже сначала, и здесь говорит как уже об известном, повторяет для связи сего сказания о пришествии Руси с прежде-указанным на них известием, о коем подробнее рассказывает он после, в свое время, т. е. под 866 годом.

Но о прозвании *Новгородцев*, упомянутом здесь впервые, Нестор здесь же и объясняется; и я так понимаю слова его: что *Новгородцами* назвались на своем новосельи водворившиеся в Новгороде Князья с родом ⁽²³⁾ своим Варяжским; а *от тех* уже находников-Варягов прозвались *Новгородцами* и старожилы Словены (подобно тому, как Русью назвались прежде всего Поляне, а Полянская земля Рускою Землею — от своих находников — Руссов).

Рюрик через два года, по смерти братьев, приявши власть один, роздал города своего Новгородского Княжения мужам своим, Варягам. «И по тем городом (поясняет Нестор) суть находници Варязи; а первии насельници — в Новгороде Словене, в Полотьске (и в Изборске) Кривичи, в Ростове Меря, в Беле-озере Вель, в Муроме Муромы; и теми всеми обладаше Рюрик», княживший в Новгороде.

И были у него два мужа, Оскольд и Дир, «не племени его, ни боярина», коим не дал он «ни града ни села» (как сказано в Арханг. Летопис.). И они испросились к Царюгороду с родом своим, и пойдя по Днепру остались к Киеву; и «многи Варязи совокуписта» стали владеть землею Полянскою.

С уходом сим мужей от Рюрика, в Новгородском Княжении словно не стало Руси; ибо, по Летописи Нестора, в Новгороде и прочих городах Рюрикова владения видим только *Варяжский род*, только распространение и усиление *находников Варягов*; а в то же почти время *Русь* является и действует на Черном море, под предводительством своих Киевских Князей, под своим собственным именем.

До перехода Олега в Киев, ни он сам, ни Рюрик с братьями, ни Игорь, не называются Русскими Князьями; да и в войске, с коим Олег с Севера шел на Киев, были Варязи, Словены, Кривичи и Чудь, а Руси не было; и в Рюриковом Княжении след ее виден разве только в имени реки *Порусьи* и города *Старая Руса* или *Русь*.

Между тем *Русь* распространяется, усиливается в Киеве или Полянскою земле ⁽²⁴⁾, откуда она действует и впоследствии.

Из сего уже, мне кажется, всего проще заключить, что *Русь* перешла на Днепр с Оскольдом и Диром; а потом пристала к ним и часть Варягов, для овладения Полянскою землею, при чем вероятно не обошлось без драки с Козарами, коим данниками были Поляны ⁽²⁵⁾.

Там и прозвалась *Русская Земля*, *от тех* Руссов, пришедших сначала на наш Север с тремя Варяжскими Князьями и их родом. Принадлежа к Варяжской дружине Рюрика, *Русь* могла еще числиться под общим именем Варягов; но потом отделилась под собственным именем.

Таким же образом и Варязи, отпадавшие от Рюрика, приставали к дружине Русской, к Руси Оскольдовой на Юге; там, в Земле Русской, они действовали уже под общим, главным именем *Руси*.

И этот вывод, мне кажется, согласен с первым, главным положением Нестора, и с последующим его сказанием

Мы видели (§ 4), что в позднейших списках Летописи, в вышеприведенном месте, относительно слова *Русь* находятся разногласия: продолжатели изменяли текст, каждый по своему разумению о Руси — так, что при их сличении находите обоюдность весьма выгодную для исторических систем, видите только разные мнения переписчиков средних времен, и не можете определить, прямо и непосредственно из них, как думал и как хотел сказать сам Нестор, — чего и добивался Шлецер в своем *Своде*. Сам Шлецер говорил, что это разногласие в тех именно словах, от коих зависит объяснение откуда *Русь* получила свое название; но не смотря на то, Шлецер из этих-то слов вывел, будто Руссы были Варязи-Скандинавы, и именно Шведы. А приняв это будто по Нестору (в самом же деле по Тунману), он не только нападавших в 866 году на Царьгород Руссов, вопреки Нестору, признал за особый сильный *Черноморский* народ Азиатского племени ⁽²⁶⁾; но сказал даже, что недолжно и упоминать в Русской Истории об этих Руссах 866

года, от коих именно Нестор и ведет начало *Русской Земли*. Отвержение жестокое, особенно для нареченного *отца* нашей исторической критики, но не сильное противу истины: ибо только то сказал сам Шлецер, что Руссы и Варяги прочие — были народы разноплеменные!

§ 7.

Последуем далее за Нестором, с пришествия Олега в Киев.

Мы уже заметили, что в Рюриковом Княжении на Севере не упоминается у Нестора ничего Русского, по отложении Оскольда и Дира; что Русь действует на Юге, и от нее в Киевской области, в земле Полянской начинается *Русская Земля*.

Там в течение 18 лет без сомнения утвердилось имя *Русское*, о котором молва достигла к Корсунцам и Грекам без сомнения еще, до похода в 866 году, как об имени народа, овладевшего Полянскою землею и Киевом. — Историческая река *Рось* или *Русь* ⁽²⁷⁾ и впадающая в нее речка *Россава* так назвались вероятно потому, что на них Руссы имели одно из главных...

ково-...

ла *Ру*...

роне...*

...вдалеке от Борисполя. — См. Чертеж Украины Бопланов).

С приходом Олега в Киевскую Землю происходит новое утверждение в ней и распространение на другие области имени Русского. — Оскольд и Дир, княжившие в Киеве, не быв княжеского рода, были без сомнения ненавистны для наших Варяжских природных Князей за свое отпадение от них, возвышение, а может быть и Христианство, — за отлучение Руси от Рюрикова Княжения; притом в Никоновской Летописи упоминается, что в 867 г. многие Новгородские мужи убежали от Рюрика в Киев, что Оскольд и Дир воевали Полочан, уже принадлежавших Рюрикову Княжению ⁽²⁵⁾. Воитель Олег умерщвляет этих первых Князей Русских, овладевает Киевом и принимает на себя имя Русское, распространяет его на все: он уже *Русский Князь*; Киев от него наречен *Матерью Русским городам* («Чернигову, Переяславлю, Полотску, Ростову, Любечу, и прочим городам»); он обладает уже всею Землею Русскою (как сказано в нескольких списках); бывшие при нем «Варяги, Словены и прочи прозвашася Русью»; под общим именем *Руси* в 907 году идут на Царьгород и Варяги, и Словены, и Поляны, и другие; и Варяжские мужи Олеговы — Карл, Ингельд, Руальд и т. п. в мирном Договоре с Греками говорят уже: «Мы от рода Руского».

Такое предпочтение и принятие Русского имени Олегом по завладении Киевом, было без сомнения потому, что здесь имя это было уже утвердившееся и известное на Юге, особенно Грекам; что господствовавших здесь Руссов, по убиении Князей их, надо было привлечь к себе и предпочтением их имени, и может быть даже повелением Грекам: шить парусы для Руси *наволоचितые* (матерчатые), а для Словен (Новгородцев) — *кропинные* (полотняные).

И так Киев есть мать городов Русских: *отсюда пошла Земля Русская!* отсюда сыны ее растекались грозными станицами на Юг, на свое Русское море, по которому ходили они на все стороны. С Игорем (941 г.) они воевали уже страну Вифанскую, и воевали по Понту до Ираклии и Пафлагонской земли, попленили всю страну Никомидскую, и сожгли всю Суду ⁽²⁸⁾. При Свягаосл...

была Козария, уже Тмута...

Косоги (Черкесы) и Я...**

* Четыре строчки в оригинале не отпечатались полностью (*Примечание редакции*).

** Три строчки в оригинале не отпечатались полностью (*Примечание редакции*).

Болгария — были *под Русью* ⁽²⁹⁾. Из Киева распространилась и Вера, и грамота и все Просвещение Русское. Оскольд и Дир первые положили начало Руси; Вещий Олег был распространитель и возвеличитель ее имени, и водворитель Рюрикава Княжеского племени на ее престоле; а Святослав был первый Русский Князь уже и по имени Русскому, уже отменившийся в образе жизни и войны; самый вид его был более Азиатский, чем Скандинавский.

§ 8.

Таким образом имя *Русина* стало господствующим; его принимали все вступающие под знамена Киевские и служившие Князьям Русским: потому и Варяги-Скандинавы могли в общей массе называться *Русью*, не быв настоящими природными Руссами; как и теперь называется *Руским* каждый подданный Русской Державы, каждый служащий России.

У Нестора имя Руси принимается различно: 1) как имя *общее* народам, вступающим под знамена Русские; 2) как географическое имя *Земли Русской собственно*, простирающееся и на все области и города, кои принадлежали к Киевскому Княжению, были *под Русью* ⁽³⁰⁾; 3) наконец и как имя особого народа в Русской Земле ⁽³¹⁾, но в этом случае оно всегда отличено от имени *Варяга*, которым в Несторовой Повести о внутренних событиях Русской Земли означаются собственно Скандинавы. Русин у Нестора — на Юге, на Днепре; Варяг приходит с Севера, из-за моря. В подтверждение сего приведу еще несколько, мест из Нестора.

Игорь совокупил вои многи: *Варяги, Русь, Поляны, Словены, Кривичи, Тиверцы, Печенеги*: и про все это ополчение Корсунцы и Болгары, говорили: «се иде Русь!» В последнем случае *Русь* — имя родовое, даже для Печенега; но под ним числится и особый народ — *Русь*, но есть также и *Варяги*.

Ярослав на Святополка шел из Новгорода с *Варягами и Новгородцами*; Руси не было. Но когда он сел в Киеве на отцевском и дедовском Престоле, тогда противу Болеслава и Святополка ходил уже «совокупив *Русь, и Варяги, и Словене*.» Опять Русь идет с Юга! — В 1043 году Ярослав послал с...

на Греков, дав ему,...

Русь.» По приходе к...*

...ла Владимиру: «станешь зде на поле»; а Варяги говорили: «пойдем в лодях под город». (*Соф. Врем.*)

Варяг, хотя и действует под именем Руси и принимает Христианство, но остается Варягом, Заморянином, не-Руским! Таков он является особенно в сказании о Владимире. Услышав в Новгороде, что Ярополк убил Олега, Владимир бежал за море; Ярополк же посадил своих Посадников в Новгороде, и был один владетелем в Руси. Пришел Владимир с Варягами в Новгород; собрал вои многи — Варягов и Словен, Чудь и Кривичей, и пошел сначала в Полотск на Рогволода, а потом в Киев; и когда, по умерщвлении Ярополка двумя Варягами, Владимир стал Киевским Князем, то *Варяги*, помогли ему овладеть Киевом, домогались у него дани с сего города; но он «избра от них мужи добры, смыслены и храбры», а прочих прослал в Царьгород, отправив наперед посла, говоря так: «Царю, се идуть к тебе Варязи; не мози их держати в граде, оли то створять ти зло, яко и сде, но расточи я разное, а семо не пушай ни единаго». ⁽³²⁾

§ 9

Из сказанного доселе видно, кажется, что *Руссы* и *Варяги* в наших Летописях принимаются как два различные, разноплеменные народа. В древнем Бытописаньи

* Три строчки в оригинале не отпечатались полностью (*Примечание редакции*).

Русском, Варяг сперва является и изгоняется как заморский враг и разбойник; потом как призванный из заморья властитель и находник; наконец как *привабленный* и наемный воин, как меченосец заморский (каким он был и в Царьгороде под именем Варанга). От чего бы ни произошло первоначально имя Варяга⁽³³⁾, но Варягами собственно называется у Нестора всякий народ Скандинавского племени: для всех их безразлично, со времени их вражеского нападения из заморья в 859 году, в Несторовой Повести одно имя *Варяг*, как племенное, общее, постоянное, неотпадающее от них ни в Новгороде, ни в Киеве, ни на Черном, ни на Варяжском море, ни в язычестве, ни в Христианстве.

Западная, поморская Русь у Нестора пристрастна Западной Русь по общему с ними местопребыванию и образу жизни; по союзничеству и наконец одновестству с настоящими Варягами, в отличие от Руси Восточной «Христианской или Правовой», уже сроднившейся с Юговосточными Словенами.

В таком только смысле можно считать Западную Русь *Норманами*; ибо и с этим словом у Германцев и других соединялось понятие Северного врага - воителя или разбойника, а не различие племени. В таком смысле Несторовы *Варяги* тоже, что *Норманы*.

Так в среднем периоде у нас именем *Татарина* назывались новые враги наши — наездники Азиатские, с огнем и мечем нахлынувшие из-за Урала в XIII веке; но между ними были совершенно разные племена — и Монгольские, и Турецкие, коих облики по сю пору еще можно различать, наприм. между Татарами Крымскими. Таким же образом разноплеменные народы слышат у нас под общими именами *Горца* и даже *Черкеса*, *Сибиряка*, *Крымца*.

Руссы были одного племени и языка с Днепровскими Словенами, притом они были освободители их от налога Козаров, коим первую дань пытались было Поляны заплатить обоюдоострыми мечами: потому Руссы лучше принялись, скорее присвоились им, теснее сроднились и слились с ними.

Но Варяги были иноязычники, иноплеменники Словенам: Варяги только жили да работали у них; и мы видели выше, как разумел их Владимир, быв еще в язычестве (§ 8). — «Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцем и женам их: вставше Новгородци избиша Варягы»; а сказание о Вадиме⁽²⁵⁾ показывает как еще с первых времен принялись Варяжские Князья у Словен Новгородских.

Таким образом, вместе с тем как имя Руси все более и более усвоилось Восточным Словенам, с именем Варяга у Руссов умножалось понятие о чужом, не-Русском; и в половине XI века словом *Варяжский* означали у нас уже противоположное Греко-Восточному и Словено-Русскому — *Западное*.

Так в Ответе Преподобного Феодосия Печерского Изяславу: *Варяжскою верою* называется Западная или *Латинская* вера, в противоположность Русскому *Православию*.

Варяг и Латинник у него одно, — и он сильно увещевает Князя⁽³⁴⁾ «блужи себя от *Варягов*, не присвоятся им; и своих дочерей — говорит — недостойно Хрестьяном даяти за ня, ни поимати за себе у них, ни братитися с ними, ни кумитися.» — И так еще до Нестора на Варяга смотрели Руссы именно как на *иноверца* Западного, — противопологали *Хрестьянину*, *Правоверному*, особенно в обители Феодосиевой, где и Нестору не могло быть чуждым такое понятие.

В том же смысле и в Новгороде употреблялось слово *Варяжский* в половине XII века. Кирик вопрошает Архиепископа Илию: «А оже се носили (жены) к *Варяжскому* попу дети на молитву? — Шесть недель опитемье, рече, зане-же акы двоверци суть.»

Но Нестор сохранил историко-географическое значение Варягов; а Западных или Германских Тевтонов называет *Немцами*, именем (по мнению Болтина)

происшедшим от Германского народа, издревле называвшегося *Неметами*. Так в космографическом Введении исчисляются народы, идущие по Западу, к Югу от Варягов: «Галичане (т. е. Галлы), Волхва, Римляне, *Немци*, Корлязи, Вендици, Фрягове и прочии»⁽³⁵⁾. И в самой Повести его — «приходиша (к Владимиру, 987 г.) *Немци* глаголюще: придохом послании от Папежа».

Так и Митрополит Никифор в послании к Мономаху говорит: «потом-же преша старого Рима *Немци*, и обладаша землею тою. И по мале времени старии и Правовернии мужи, иже храняхуть и дръжаху закон Христов и Святых Апостол и Святых Отец, отыдоша; по умертвии оных мьлადии и неутвержении прельсти Немечьской вьследоваша...»

Так и у Певца Игоря: в Киеве — «ту *Немци*, и Венедици, ту Греци и Морава поють славу Святъславлю»; а в Крыму — «*Готския* красныя девы вьспеша на брезе Синему морю.»

Так и в Уставе о городских мостех (постановленном в конце XII в., вероятно Ярославом Владимировичем II) различаются еще в Новгороде — *Немци* и *Гти* (т. е. Готы).

Но с XIII века имя *Немца* распространяется у нас уже и на Варяжских или Скандинавских Тевтонов. Так в Договоре Смоленского Князя с Ригою и Готским берегом (1228 г.) жители обоих называются обыкновенно Латинами, Латинским языком, но также *Немчином* и *Немщицею*.

В среднем же периоде этим именем стали пояснять старое имя (Варяга). Так в Полешиковом списке Летописи сказано, что Рюрик избрался «от Варяг от Немець»; в прочих списках уже просто «от Немець» или «из Немець». В Софийском Временнике над вышеупомянутым посольством Немцев от Папежа к Владимиру поставлено: «О Неметьской вере» (вместо прежнего имени — Варяжской или Латинской); а над присланием от Греков Философа: «О вере Християньской.»

Таким образом этим новым словом заменилось старое слово *Варяг*, которое из прежнего вышеизложенного значения его у нас (как заморского разбойника и *ворога*, потом как наемного Скандинавского воина и меченосца) перешло в значение иноплеменника и иноверца Европейского, и впоследствии обратилось в понятие *воряги*, с которым не шутя изъясняли имя Варяга — даже Конисский, в своей Истории Малой России.

Но и слово *Немец* скоро вышло из пределов своего прежнего, племенного значения — сначала Неметов, потом всех Германцев, а потом всего Тевтонского племени. *Немецким* стали называть в народе уже неопределенно не только все Европейское, Западное, но и все *иноязычное*, неговорящее словами Словенскими или Русским языком, и потому как бы *немое*. Так до XVIII века назывались у нас *Немцами* вообще все почти Европейцы, приходившие в Россию. В Никоновской Летописи: «А Югра есть народ нем; они говорят, но языка их никто неразумеет». — Так в песнопении народном средних времен *об Иване Годиновиче* находите:

«В дальню Землю Загорскую,
За Царя Афромея Афромеевича,
За Царя отдать — ей Царицею слыть,
Пановя все поклонятся,
Пановя и Улановья⁽³⁵⁾,
А *Немецких* языков счету нет!»

Примеров такого распространения и превращения в смысле имен народных можно привести большое число. — Так Латыши называют *Кревами* не одних Белоруссов, но и всех Руских, потому что Кривичи, были к ним ближайшие. Так *Франками* по сю пору Черкесы называют вообще Европейцев; а у Руских это слово совсем потеряло значение народа. Так *Берендей*, имя столь близкого и известного

нам в древнее время народа, осталось теперь только в имени сказочного царя Берендея. *Словены* назвались этим именем по глубокому в себе чувству Божественного дара *слова*, от чего произошли имена и *славы*, и *человека*. Но некоторые Европейские народы это племенное имя наше обратили в значение *склава*, как Спартанцы народное имя *Илотов*. Так славное имя Грека у Сербов перешло в *грка*-торгаша; так у нас народное имя Швейцара обратилось в швейцара-придверника.

Именем *Гайдамака* называли себя Запорожские Козаки, когда им была «Сечь матери, а Великий Луг батько»; но потом, когда ватаги их, не составлявшие войска Запорожского, стали охотиться разбоем, — у Поляков, Малороссян и других слово *гайдамак* стало значит разбойника.

Так и слово *Козак*, некогда бывшее кажется племенным именем Горского народа *Косогов*, а потом у Азиатских Орд значившее вообще *наездника*, — у Турков и Татар получило бранный смысл, когда Козаками стали называться Запорожцы, кои дали себя знать *Туреччине* да *Татарщине*. Напротив на Украине слово *Козаки* обратилось в народное имя, коим называли себя Украинцы в смысле добровольного воина. Таким же образом из Немецкого *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобных обстоятельствах Западное Рыцарство или Кавалерство, в противоположность коему Козачество Украинское представляло собою *Рыцарство Восточное, народное*, имевшее и свою Козацкую Поэзию, и свои Крестовые походы за Восточную Церковь (с 1592 года), и нашедшее себе Владыку в Православном Царе Восточном⁽³⁶⁾. — И Бандурист Украинский свою Думу о Козацком подвиге заключал припевкою:

*Легла Козацкая, молодецкая голова,
Как от ветру на степи трава!
Слава — не умрет и не ляжет,
Рыцарство Козацкое всякому расскажет!*⁽³⁷⁾

§ 10.

Из всего сказанного видно, кажется, что *Землю Русскою* назвалась сначала Киевская или Полянская земля, а не Новгородская; ибо до завладения Олегом Киева, в Новгородской земле, по Летописям, не видно Руси. Между тем Русь была уже 18 лет в Киеве; потому и Земля Русская иногда называлась еще *Киевом*, например: «и взяша (Батый) град Переяславль Руский⁽³⁸⁾ иже в Киеве,» (*Никон. Летоп.*).

Новгородцами, как изъяснено в § 6 по Несторовой Повести, назвались сначала Варяжские находники на своем новосельи, а от них уже и прежние Новгородские насельники *Словены*, которые долго еще назывались этим народным своим именем, в отличие от Новгородцев-находников, от Варягов. Это видели мы уже из нескольких мест Несторовой Повести. В Русской Правде также упоминаются как особые имена *Русин* и *Словенин*, и особо от обоих отличается *Варяг*. — Имя *Словенин*, к Новгородцам относящееся, находим и в Кириковых Вопрошаниях (Епископу Нифонту) от половины XII века⁽³⁹⁾.

И так имя *Словенин*, как стародавнее для Новгородцев, удерживается за ними в XI и XII веке; но *Руссами* Словены Новгородские до XIII века не назывались ни у них самих, ни у других Русских писателей не-Новгородских⁽⁴⁰⁾, — Новгородский Летописец⁽⁴¹⁾, при описании событий с половины XI-го и в продолжение почти всего XII-го века, *Русью* и *Рускою Землею* называет почти всегда только Киевскую или Южно-Русскую область.

Вот несколько тому примеров, которых можно привести гораздо больше. «Епископ и купце и слы *Новгородскыя* не пушяху из *Руси*». — «Ходиша вся *Руска*

Земля на Галиць». — «Послаша *Новгородьци* к Святославу в Русь по сын; и приведоша Володимира в *Новгород*. В том же лете на зиму иде Князь Святослав Всеволодовиць Олгов внук из *Руси* на *Суждаль*, а сын его Володимир с *Новгородьци* из *Новгорода*».

В отличие от сей собственно-Русской Земли или *Руси*, Новгородский Летописец в XII веке *Просторускою Землею* называет (как я полагаю) среднюю Русь т. е. Северозападную и Северовосточную. Например: «Придоша под *Новгород Суждальци* с *Андреевицем*. Роман и Мстислав с *Смоляны* и с *Торопьяны*, *Муромци* и *Рязанци*, и вся Земля *Просторусьская*».

Так и Летопись Киевская *Русью*, *Рускою Землею* называет Южную Русь, отличая тем ее от *Новгорода*.

После сего, мне кажется, несомненно можно положить, что имя Русской Земли сначала принадлежало собственно не *Новугороду*, а *Киеву* ⁽⁴²⁾.

Олег, сделавшись Киевским, Русским Князем уставил — «Варягом дань даяти от *Новгорода* гривен 300 на лето *мира-деля*, еже до смерти *Ярославле* даяше *Варягом*». Ольга устанавливает по Луге оброки и дани. *Новгород* остается опять без особого у себя Князя, как данник и оброчник *Руси*; и Константин Багрянородный называет его *Ексо-Россиею* (внешнею *Россиею*). — В таком общем, географическом смысле имя *Руси* могло простереться на *Новгородскую* землю не прежде, как по завладении *Киева* Олегом, когда и *Новгород* вместе с прочими городами стал *под Русью*.

В 970 году *людье Новгородьстии* (видно опять не поладив между собою без Князя) идут просить себе Князя у *Руси*, но уже *Киевской*. Просьба их была не совсем покорнейшая: если не пойдете к нам (говорили они), то найдем себе Князя. — Только бы кто пошел к вам! — сказал им Святослав. Но они, по указанию *Добрыни* на своего племянника, у *Великого Князя* выпросили себе *Владимира*, который и был *первым Русским Князем* в *Новгороде*.

Благовластный *Ярослав*, за важную для него услугу *Новгородцев*, при овладении отцовским *Киевским Престолом*, даровал им *Русскую Правду* и отпускную *Грамоту*. При разделе *Ярославом* на уделы *Русского Государства*, *Новгород* не вошел уже в его состав. Он сам себе *промышлял* Князей у *Руси*, и потому часто оставался без Князя, ибо управлялся более решениями *вечевой сходки* своей, которыми весьма условлена была власть *Княжеская*. *Новгород* богател торговлею с *Ганзейскими* городами, *плотничал* (как говорили *Киевляне*) и расширял волости свои в так называвшихся *верхних землях* *России*. Наконец он говорил уже: «кто против Бога и *Великаго-Новгорода?*»

Особящийся таким образом на Севере, *Новгород* принадлежал к *Руси* более по духовной власти *Митрополита Киевского* и *всей Руси*, принадлежал *Киеву* более по суду церковному, судясь в мирских делах *Судом Ярославлим* или *Русскою Правдою*, а в последствии и *своим судом*. Он был так сказать крестным сыном *Руси*, и уже в средние времена вполне усыновился новой, второй матери обновленных *Русских городов* — *Москве Белокаменной*. *Москва*, присоединив к своему *Великокняжескому Московскому Престолу* всю *Суздальскую*, а потом и *Новгородскую* землю, образовала из того *Великую Русь*, коей народ и язык по преимуществу зовутся *Русскими*, которая в областях своих именуется собственно-*Россиею*, и в народе своем величается *Святою*:

«Как у нас, было на Святой Руси!
Как у нас было в Каменной Москве!...»

«Москва... как много в этом слове
Для сердца Русского слилось,
Как много в нем отозвалось!»

Да, много отозвалось, в этом слове! В этом сердце России опять слилось, сроднилось почти все, чем владел Стольный Киев, что восприяло от него и кровь и дух и имя Русское, и без чего кончал он богатырский век свой, вместе с Царемгородом⁽⁴³⁾. *Того Старого Владимира* (говорил Певец Игоря) *нельзя было пригвоздить к горам Киевским! Знамена, его разделились...*⁽⁴⁴⁾

Уже при Ярославе отстал от Киева Северозападный удел его с своими *грозными* Полочанами; и Белая Русь первая приняла от Киева имя Земли Русской⁽⁴⁵⁾. Костями *Русских Санов* засеялись кровавые берега Немня, и он, *Руссом*⁽²⁷⁾ вливаясь в Варяжское море, отделил там Землю Русскую от Прусской⁽⁴⁷⁾. Всеслав Полоцкий «разшибе славу Ярославу»; но его душа была в Киеве: «тому в Полотске позвониша заутреннюю рано у Святыя Софеи в колоколы; а он в Киеве звон слыша!» Но в XII веке внуки Всеславовы уже отпали от дедовской славы.

После Второго Владимира, последнего Единовластника Древней Руси (1125 г.), Стольный Киев стал упадать; пополам рвалось его богатырское сердце, и Великокняжеская сила его разошлась на две стороны.

С Андреем Боголюбским перешла она в удел Северовосточный, в землю Суздальскую, куда еще отец его Долгорукий перенес имя Руси вместе с именами городов Южнорусских; туда перешло оно и с переходом во Владимир-Залеский из Киева Митрополита *всёя Руси*. Северовосточная Русь наследовала и бармы Мономаха, коими венчается Русский Царь на Единодержавие.

Храбрый Роман Галицкий Великокняжескую силу Киева перевел в Югозападный удел его, в землю Галицкую или Червоную Русь и назван был Самодержцем *всёя Руси*⁽⁴⁸⁾.

И так Новгородская земля *обрусела* позднее чем Северозападная или Белая Русь, чем Северовосточная или Суздальская Русь, чем Югозападная или Червоная Русь, кои в XII веке уже *были Русью*, — города коих были родными детьми Киеву, и по утрате коих первозванная *Земля Русская* прозвалась *Украиною*⁽⁴⁹⁾, а в XIV веке во Владимире-Волынском получила имя *Малой Руси*⁽⁵⁰⁾. Сия-то древняя Киевская Русь была рассадником *Русского духа* для храбрых сынов своих — *Русичей*, духа любви к Русскому Земле и ее славе⁽⁵¹⁾, которую звучали самые имена Русских Князей.

«Не посраим Земли Руския, но ляжем костями; мертвый бо срама не имам!» восклицал Воинственник Святослав перед победным *Русским боем*⁽⁵²⁾.

«За Землю Рускую!» взывал к *Княженецким* сынам Владимировой Руси Певец Игоря Новагорода-Северского.

Но у *житых людей* двух *Господ* — Великого-Новагорода и Пскова — тогда была еще «душа на Великой, а сердце на Волхове.»⁽⁵³⁾

Послесловие.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О РАЗНООБРАЗИИ И ЕДИНСТВЕ МНЕНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУСИ.

«Аще же и многого искусства желает кто: весть древняя, и быти хотящая рассмотряет; свесь извития

словес и разрешения; знамения и чудеса проразумевает, и
события времен и лет.»

Прем. VIII. 8.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Да не будет мне в осуждение, что разнословия переписчиков и продолжателей Русской Летописи я называю *историческими мнениями*, также, как и умозаключения ученых Критиков; что вообще в моих исследованиях я обращаюсь к поверьям, преданиям и понятиям народным, также со вниманием, как и к поверьям, мнениям и сомнениям ученых! — Я думаю, что мнение может иметь не антикварий кабинетный только, но и келейный писец; — что иногда в предании народном затаено больше истины, чем раскрыто оной в иной догадке и в розыске Ученого; — и что в ином песнопении нашего простонародья больше истинной, непреходящей красоты, чем во многих стихотворениях сословия книжного. Так в незаметном зерне под пеленою семени, так в простом плодоносном цветке, больше жизни для будущего, чем в пышно-махровом расписном пустоцвете заморской луковицы! «Не только света, что в окне» говорит Украинская пословица.

В самом деле, когда об одном предмете несколько ученых мнений, противоречащих друг другу: не в праве ли всяк сказать, что в этих мнениях весьма учено говорится и умно рассуждается об околичностях; касательно же сущности дела, в них во всех, либо с исключением одного, не больше истины, как и в разнословиях Летописцев!

Некоторые Историки-Критики (особенно Болтин) довольно погуляли над иноческим мнением средних времен о происхождении Руси от Росса, упоминаемого у Иезекииля, хотя к мнению сему Эверс был благосклоннее. Но как же они сами, эти некоторые Критики, как вообще Ученые нового времени решили происхождение Руси?

В сонме Ученых говорят, что Руссы произошли и получили имя *от Роксолан, от Козар, от Готов, от Финнов, от Шведов, от Скандинавов вообще, от Рустрингов или Фрисландцев, от Словен...* Ясное дело, что всего этого быть не может! И не значит ли это, в общем итоге мнений и голосов, что Руссы принадлежат к племени Ноеву, рассеянному по лицу земли? Арабский же писатель Мирконд именно говорит, что Руссы произошли от Иафетова сына Русса: а Стрыйковский производит Словенорусский народ от шестого сына Иафетова Мосоха и полагает, что Словены назвались *Россеянами* или *Россами* от *россеяния*⁽⁵²⁾ по многим странам. Последнее мнение было сильно у нас распространено Киевским Синопсисом, было принято некоторыми Учеными и прошедшего столетия... Но чего не принимали Ученые?...

У Словен есть еще своенародное, ближайшее к нам предание о трех братьях *Чехе, Лехе, Руссе* и сестре их *Венде*, прямо указывающее на принадлежность Руссов к Северозападной отрасли Словенского племени. Это предание Историками-Критиками признано за сказку, и потому отвергнуто... Но что не было ими отвергаемо?...

Разве Татищев веруя не только в Несторову, но и в так называемую Иоакимову Летопись и производя Руссов от *Финнов*, не отвергал все прежние о том мнения?

Разве Шлецер — сей славный, грозный Паладин Русских Летописей, образец терпения в труде и нетерпимости в мнении — не исключил разные события, лица и

даже народы из Несторовой Повести, «как старые и *вздорные* сказки, как новые *глупые* вставки и *дурацкие* переделки, как подложные и умышленные подделки», коих не мог он сообразить и изъяснить, из коих нельзя вывести, что Руссы были *Шведы*? Разве не положил он клеймо отвержения на Скандинавские Саги наравне, с Иоакимовою Летописью, которую признавал даже «столь важный человек» как Болтин? Не выходил ли он из терпения, не приходил в удивление от того, что сей, по словам его, величайший знаток Отечественной Истории, один между Русскими и Ученый, и искусный Критик — мог думать вместе с Татищевым, что Руссы были Финны, а не *Шведы*!... И не сказал ли он (Господь с ним!), что между всеми Русскими, писавшими до него (до 1802 г.) Русскую Историю, не было ни одного ученого Историка?.. И все потому, что никто из них не держался его *Шведской грамоты*!

А Погодин — новый Паломник Несторовой Повести, защитник ее подлинности от сопротивных отрицаний неверующей Критики и Шлецеровой, и современной — не опроверг ли он и Шлецеро и Эверсо и Нейманово мнение о Руси, наравне с мнением о Россе, с преданием о Руссе и Пруссе⁽⁵³⁾, когда доказывал, что Русь есть особое *племя Норманское*?... Он говорил решительно «что всякий желающий отвергать сие мнение, должен непременно прежде опровергнуть Нестора, не только что не может употреблять его в свою пользу».

Но Каченовский сомневается в достоверности древней Русской Летописи и отвергает подлинность не только ее, но и Русской Правды и прочих древних памятников Русской Словесности; а между тем не верит Скандинавскому происхождению не только Руссов, но и самих Варягов. Передавшись на сторону Западных писателей, он, вместо так называемых Варяго-Руссов, предполагает Словен Вагров⁽⁵⁴⁾, как позднейших (XII века) переселенцев или колонистов с Балтийского помория на берега Ильменя и Волхова, — где до той поры, по его мнению, совсем не было ни Словен, ни Новагорода!...

Наконец Морошкин, хотя думает, что первыми Варягами были Словены (Вагры и Руссы), а позднейшими преимущественно Скандинавы; но Варягов принимает по-Ломоносовски — не как одно племя или нацию, а как военное сбродное товарищество морских разбойников. Он доказывает, что Руссы были *Словены Северозападные*; но полагает, что они «пришедши с Варягами к Новгородцам, не показываются более отдельною нациею в Истории нашего Отечества; но дав имя России, исчезли между Словенскими племенами Новагорода, Полотска, Смоленска и Ростова.»

Таким-то образом сменяются и препираются исторические мнения: каждое новое, для своего самосохранения, гонит старое, потом само стареет и упадает, а старое нередко опять юнеет, восстает и обновляет век свой.

Да и не всякая ли новая система отвергает другую, как ложь и заблуждение, и чтобы самой пожить хотя несколько, обводит *мертвую рукою* прежде жившие и процветавшие системы?... Так наш Северный селянин-огнищанин⁽⁵⁵⁾ рубит и жжет вековое дерево, чтобы на его пепелище засеять однолетний злак свой, и пажить свою ставит «выше леса стоячаго!» И чем ограниченнее и одностороннее, чем новее и животрепящее система, тем больше творец ее, а и того больше ее последователи уверены, что ею они решили уже все, — и скорей они изречение мудреца «я знаю, что ничего не знаю» назовут философскою побасенкою, словоизвитием любомудрия, чем согласятся, что их система по крайней мере недостаточна и одностороння, если не вовсе ложна.

Не будем однако слишком винить Науку, Систему ума человеческого. Тот же жребий пал и на Природу, Систему Ума Высшего. «Время всем, и время всякой вещи под небесем: время раждатися и время умирати; время садити и время исторгати сажденое!» (Экклез.)

О всем творении, от малого до великого, печется благодатная Природа: но и в ней так же меняется, чередуется, преходит бытие; и в ней одна тварь живет на счет другой; мелкотравчатый мох и невидный порост одолевают, замуровывают собою леса; на прахе сенелиственного дерева возникает давно-заглохшее от него зерно травного былия; иногда в осень расцветают опять цветы весенние,

«А как бы на цветы не морозы,
И зимою б цветы расцветали!»...

Но мы на прежнее возвратимся.

Что Руссов наших не напрасно считали у нас издавна Словенами, и что понапрасну с-недавна стали считать их Скандинавами — это, после новых ученых исследований, становится для меня истиною положительною, и я принимаю несомненно Руссов за особый народ, принадлежавший к Северозападной отрасли Словен. Таким образом Словенское предание о *трех братьях* обращается для меня уже в мнение историческое; спадает с него сказочный покров, в котором ходила и укрывалась истина о племени той Руси, от коей, по сказанию Нестора, получила имя Земля Русская (до той поры называемая Скифией, Сармацией, Гардариком...). Без ученых исследований не может быть отличена истина; а если и была открыта, то опять завьется в младенческую пелену сказки или впадет в сонное забытье!...

И тем охотнее я следую сему мнению о племени Руссов, что оно было народным преданием Словенским; тем открытее и утвердительнее говорю в пользу его, что оно не новое, не чье-либо личное мнение, а только сознанное вновь и пробуждаемое ныне *общее мнение* нашей Русской старины, от Нестора до Ломоносова, — которое более полувека было заглушено новыми мнениями, находившимися со времени Байера и Татищева, особенно в нынешнем *веке систем*.

Что же эти прочие мнения и учения о происхождении Руси от других народов?...

Учения эти междоусобствуют, обличаются взаимными друг на друга показаниями — и хорошо делают, поколику они гипотезы и частные системы. Пусть себе выводят друг в друге темные пятна и уничтожают взаимно свое частное, произвольное, смертное начало!... Но уже-ли этим распрям и отрицаниям не будет конца? уже-ли с этим взаимным обличением и отвержением должны и кончиться ученые мнения?...

Нельзя подумать, чтобы эти учения были вовсе неосновательны, чтобы в этих ученых мнениях не было сколько-нибудь истины положительной. Только бедная глупость бредит сущую бессмыслицу, да и та иногда обмолвится правдою, ибо зачатки истины глубоко лежат в уме и падшего человека! Потому лучше думать, что в каждой гипотезе или мнении ученом есть и своя дельная, основательная, своя истинная или вероятная сторона: что каждое из них справедливо хотя отчасти; что большая часть их послужила к открытию истины и назидательна не в отрицательном только или относительном смысле, но и положительным, существенным образом. —

А если так, то каждое из них может еще, своею невыдуманною, произвольною стороною, поступить в общую, сложность мнений как запас для построения древнейшей Истории Руссов и для объяснения их отношений к другим народам; потому, каждое мнение может еще быть, принято на *новую ученую беседу о Руси*, не как *изгой*, а как *гость* Русский, с правом голоса своего и с правилом Русской пословицы: «по платью, встречают, по уму провожают.»

Выслушайте каждое из них особо и непредубежденно: вам представят события, словопроизводства, имена, местные предания, свидетельства писателей, и с такою уверенностию, что вам небесмыслицею покажется близкое *сродство Руси* — у одних с *Финнами*, у других с *Козарами*, у третьих с *Балгарами*, у четвертых с *Скандинавами*, и т. д., и вы поверите, хоть на время, что у каждого из сих народов

точно была древле родная связь с Русью, и что Руссы могли бы произойти — от каждого из них... Но произойти от всех их — неестественно! Ибо, по историческому закону образования Природы и рассеяния рода человеческого, происходят виды от рода, многое от единого, младшее от старшего, а не наоборот. Да и по закону логическому — если доказывается и принимается, что и Скандинавы, и Финны, и Болгары, и Козары *были Руссами*, и при каждом из них повторяется = *Руси*; то и следовало бы, кажется, имя *Руси* принимать их *общим*, и *родовым* именем, и производить *не Руссов от них*, но *их от Руси!* Потому, кажется, и следует предположить, что они с Русью имели древнюю родную связь, но впоследствии разроднились с нею, отменились, переименовались и обособились племенным образом. — Вот *общая мысль*, которая просвечивает сквозь чащу разнообразных доказательств и мнений о происхождении Руси, когда проходишь это Полесье или (как зовут его Северцы) эту *Русскую Палестину!*....

И так, если мнения и гипотезы Ученых об Руси не считать вовсе ложными и неосновательными (а такими считать их несправедливо); то, выходя из оной общей мысли, можно бы, кажется, составить *предварительную, общую гипотезу*, в которую другие мнения и гипотезы вошли бы *отчасти*, со своими доказательствами, соображениями и свидетельствами о сродстве Руси с прочими народами; в которой они примкнули бы друг к другу не своею крайнею или особенною, но основною и общею стороною, и сошлись бы в *Руси*, как племени древнем и родоначальном для многих других народов.

Разумеется, что и такая согласовка противоположностей была бы еще также *гипотеза*, как и другие учения об Руси, — и только тем от них отличная, что в ней была бы одна главная, средоточная, общая мысль, повторяющаяся и в других гипотезах, только в обратном виде, — что в кругу ее другие гипотезы обновились бы, являясь с своей истинной или вероятной стороны, и *приживаясь* друг к другу как взаимно необходимые члены одного тела. Но вне такого круга они остаются по-прежнему — частными, односторонними системами, взаимно противоречивыми и междоусобными, искусно отрицающими и зыбко утверждающими; а без главной, связующей мысли, в своем нынешнем виде, они как *доски без князя на златоверхом тереме* ⁽⁴⁴⁾ Русской Истории!...

Дорожа учеными мнениям и их доказательствами о сродстве и тожестве Руси с разными народами, можно *на основании оных* сделать и попытку такой Общей предварительной гипотезы об Руси, например хоть в следующем кратком очерке.

ОПЫТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ГИПОТЕЗЫ

О ПЕРВОБЫТНОЙ И ДРЕВНЕЙШЕЙ РУСИ ДО ВРЕМЕН РЮРИКА И ОСКОЛЬДА.

I. *Руссы* или *Россы* (т. е. красные) составляют первый отдел особого, коренного Древнеазиатского Иафетова ⁽⁵⁶⁾ племени *Нарци* (т. е. нарицатели, именователи). Об них упоминается в Библии под именем *Роса*; говорится и в Коране, как об одном из славнейших Азийских народов, по имени *Рос* или *Рас*. — Другой отдел сего племени составляет народ *Словенский* (т. е. говорящий), вместе с которым Руссы обитали в Азии в соседстве с Индией: там была сначала Земля Руссов и Словен — *Русь* и *Славь*, откуда потом они вышли, разлучились и перешли в Европу. Словены переплыли в Европу *Западным* путем (вместе с другими племенами *Пелазгийскими* — Фракийским, Эллинским, Латинским, Галатским или Кельтским, Немецким или Тевтонским); Руссы перешли из Азии *Северным* путем через Кавказ; те и другие за несколько веков до Р. Х.

«Бысть язык Словенск, от племени Афетова *Нарци*, еже суть *Словене*. По мнозех же времях, сели суть Словене по Дунаеви, где есть ныне (XI в.) Угорьска земля и Болгарьска. От тех Словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте.» Так говорил Киевский Русин *Нестор* и представил вкратце расплеменение Словен на разные народы; но подробного о том сказания мы Руссы послушаем от Чеха, когда Шафарик издаст свое исследование Старобытностей Словенских⁽⁵⁷⁾. Что касается до первобытной Руси, то с переходом большей ее части через Кавказ кончился *первобытный* период ее жизни *Восточной*, безразличной. — Такой период зовут обыкновенно *до-историческим* и баснословным: и точно он наиболее *гадательный*, но тем не менее важный для понятия о народе и языке его. В отношении к нему может иметь место Русская пословица: «догадка лучше разума.»

II. Следует *второй*, уже *исторический* период Руси, для Истории период *древнейший* и еще весьма предположительный. Это период *рассеяния* Руси по Европе и ее расплеменения на разные народы. — По Гипотезе нашей — Русь первобытная, устремясь от Кавказа на Север и на Запад, разошлась по Европе в две главные отросли.

1. — Первая отросль *Восточная*, расплеменяющаяся на разные колена или побегии, идет вдоль Урала до океана Северного, и заселив Северовосток Европы, кончается в Скандинавии.

а.) Одно колено сей Восточно-Русской отросли осталось на Кавказе, между Каспием или морем *Хвалынским* и Понтом или морем *Русским*, — между рекою *Рою* или *Росью (Волгою)* и *Русскою рекою (Доном)*. Впоследствии оно являлось и под именем *Руссов*, распространявшихся, даже за Волгу до Урала, — и под именем *Козар*, которые, по сказанию нашей Четь-Минеи, беседовали языком Словенским.

б.) Второе колено Восточно-Русской отросли образуется на Волге в *Руссов-Болгаров*. Одна часть их, Западная или Дунайская, переходит на Дунай и *приживается* там к Южной отросли Словен. Остальная, Восточная или *Поволожская* часть Болгар, разделившись на Казанцев и Хвалисов впоследствии отатарилась.

в.) Третье колено Восточно-Русской отросли⁽⁵⁸⁾, скитаясь по простору Северовостока Русского, простерлось до Скандинавии и Северного океана или *Моря-Мороза*, по Фински *Рутиан-мери*. Оно выродилось в *Чудь белоглавую* (как зовется она в Русских песнях), разделившуюся на Финнов и Лопарей. Многие из ветвей Поволожской Чуди опять возродились и уже обрусели, (а *русья* косы Мордовок, переходят на головы прекрасных Россиянок); Чухонская Чудь обнемечилась; а Угорская Чудь отуречилась в земле Угорской (Венгрии).

г.) Четвертое колено Восточно-Русской отросли составляют *Иоты* или *Готы*, которые вкоренились в Скандинавии и в ней издревле обнемечились (может быть от Свеонов), подобно тому, как впоследствии обнемечились Поморские Словены и оставшиеся вместе с ними Варяго-Руссы.

Все эти положения общей гипотезы можно подкрепить свидетельством древних писателей или же именитостию новых — частью усопших, частью живых. За однородство Руси с Болгарами постоит Венелин; сродство Болгар с Чудью подкрепляется именитостию нашего Академика-Ориенталиста; однородство Чуди с Русью и Словенизм в составе Венгерского народа будет защищать Бутков; а за *Руссизм* Скандинавов крепко стоит почти вся современная именитость наших писателей по части Русской Истории, со времени ученого Шлецера. Честь и слава им и их ученым исследованиям за сии открытия!

2. — Но «око видит далеко, а мысль еще дальше» говорит пословица Русская, — и вещей Ломоносов распознал еще одну отросль Руси на Западе, на Помории Балтийском. Эту Русь следует назвать *коренною*: ибо не только сама она

через много веков сохранила там свою древнюю породу, свое красное имя и слово; но вновь передала их своим прежним поколениям, покрыла ими поколения Восточно-Словенские, и осенила многие народы иноплеменные. И только эта коренная Русь могла разростись с такою могучею, широкою силою!

(«Краткое Сказание старика Наума о Старобытной Руси»).

«...Лет за сто до Р. Х., после боевых схваток с Лукоморским Царем Митридатом, большая часть старобытных Руссов покинули свое Синее, Русское море, простились с Своею матушкою-Волгою или старою Росью, с своею Русскою-рекою — тихим Доном Ивановичем, и нескзанным Берестином или Днепром Словутичем. И пошли они к своим милым ближникам и стародавним землякам Словенам — на Дунай-реку (по-старинному Иокзу). И прошли они через горы Карпаты или Татры, а оттуда на Север по реке Одеру в землю Поморскую. Там поселились они у Северного Русского моря-океана (Варяжское тож), на славном Русском острове (Рузе или Ругене), по которому и звали их Ружанами или Ругнянами. При том переходе и на своем новосельи, храбрый Русс побратался с красною девицею Вендою, с бойким Чехом и Лехом; и таким образом Русь с поконвеку присвоилась к побратимству Вендскому или Западно-Словенскому. — Главным жительствою Руси был остров ее с своим заповедным лугом, куда ходили на поклонение Русскому богу народы Словенские. Ружаны были так славны, что от них брали себе Князей заморские Готы, с которыми щитоносцы наши своими обоюдоострыми мечами погромили Старый Рим и Царство Гишпанское. — От Одера по которому звали Руссов Оботритами или Обродитами, они селились в Поморьянии к реке Висле во втором веке по Рождестве Христовом. По сказанию Летописанья Прусского, они в IV веке жили уже на восток от Вислы до реки Немиги или Неменя, коего правый рукав назвался по ним Руссом, сторона та Порусьем, а народ ее Прусью. Руссы селились и на Запад от Одера к реке Ляби (по Немецки Эльба), и вниз по Одеру к Карпатам и горам Полониним⁽⁵⁰⁾. За Одером была и в X веке, даже до XIV-го, особая *Руссия*, сопредельно Поморьянии. Да то была уже не та Русь, что в стародавние годы: видно вся Русская сила оттуда с Князем Рюриком Гальфдановичем перешла в нашу Землю! А до той поры сильна была Русь на Западе; могучи были Радогост, Видомир, Губ, Одонарец и другие Витязи Русские; и еще за Карла Великого Имперцы Заодерскую Землю звали *землею страха*. Где становились и воевали Руссы, там оставляли по себе в память свое имя рекам, городам и горам (Русидава, Русион, Россокастр, Россемонт); а на Карпатах по сю пору видны *резы* или письма, какими Руссы записали себя и на Синае.

Иноязычники писали и пишут имя Руси всякий по-своему: Русаци, Руссаны, Россаны, Роксаны, Россоланы, Роксаланы, Алонорсы, Аорсы, Рутиклы, Рудены, Рутены, Рейсы, Рюсы, Руски: а все это по-нашему сказать — *Руссы* или *Россы*.»)

Эти коренные Поморские или Словенские *Руссы* и Руссы Заморские или Скандинавские, сойдясь опять на одном, Северном *Русском* (т. е. Балтийском) море, сходятся в новое, морское братство *Северное* или *Норманское*, которое у нас в старину называлось *Варягами*. И здесь, в IX веке, кончается второй древнейший период жизни Руссов, период их рассеяния и расплеменения; а с ним вместе и моя предварительная гипотеза о первобытной и старобытной или древнейшей Руси.

С 862 года начинается *третий* период Руси, период ее сосредоточения и просияния в Киеве; а потом следует ее утверждение и усиление в Москве и распространение оттуда на седьмую часть земного мира. С той поры начинается положительная, достоверная История Руси на обновленной ею Русской Земле, История все более и более проясняющаяся и пополняющаяся.

Предложенную гипотезу о древнейшей Руси можно бы распространить в целое учение или *систему историческую*, на первый раз хотя по доказательствам и сведениям уже запасенным и соображенным в разных ученых исследованиях и частных системах. Но — слаще вода из самого ключа! Потому лучше углубиться в те же исторические источники, перевесть их вновь и сообразить с новой точки зрения при чем конечно откроются и новые родники. — Тогда могло бы обнаружиться: что́ следует в древнейшую Историю Руси принять как достоверную положительность, — что можно допустить как вероятное предположение, — что надо исключить как неверный вымысел или мечту временную и преходящую.

Какой из этих трех жребиев на какое падет мнение и умозаключение — того наперед, наугад сказать нельзя, особенно тому, за кем есть уже своя новая и частная, уже свершенная, но еще неоправданная временем и непризнанная система. То решить могут только дальнейшие, всесторонне-объемлющие ученые исследования исторических событий и свидетельств, при живом соображении их между собою и с главною общею мыслию. И мою *предварительную гипотезу* я предлагаю более как чувство потребности и желание таковых новых, подробных и живых исследований «утвержденных в том же разумении и в той же мысли», — без чего не может быть раскрыта истина.

Как знать! ... может быть и моему *мысленному древу* Руси не только суждено уцелеть со всеми его ветвями, но еще и умножиться новыми леторослями, от будущих изысканий и соображений!...

Но быть может и то, что лезвие будущего знания срежет с него все ветвие и Козарское, и Болгарское, и Чудское, и Скандинавское, — и останется только собственная, коренная Русь. Как безветвенная, всех растений на земли длиннейшая пальма-ротанга — *молниевидно* проходит она с Востока через Кавказ и Карпаты на Поморие Северозапада; там, в *лугу заповедном* ⁽⁶⁰⁾ пала она перед своим Световидом; и обратясь на Восток, разразилась Перуном и водрузилась Крестом на горах Киевских; и вновь воздвиглась Крестом Православия, и встрепенулась Державным Орлом на Белом камени Московском!...

В таком разе моя гипотеза весьма бы умалилась, сократилась бы в объем предположения Ломоносовского, и только вровень сошлась бы с мнением о Словенах-Руссах в нашем Отечестве, которое принято мною за *положительное* и изложено в исследовании моем. — Но для других гипотез тогда пришел бы уже последний час. Тогда и Козарство, и Болгарство Руси — погибли бы *аки Обри!* Тогда и сродство ее с волшебными Финнами, и тожество ее с полуночными Скандинавами, как Оссияновские тени с небосклона нашей Истории отлетели бы навеки в Скандинавский мрачный рай исключительной храбрости и бесконечной брани!... И будущий исследователь Истории нашей, поминая как звали сии учения, тогда сказал бы: «древняя мимоидоша...» Тяжело отставать от привычных понятий, которые иногда наглухо срastaются с нашею мыслию; но кто бы наперед не пожертвовал своим личным мнением, не расстался с своею новою системою, с любимую мечтою, при одной мысли, что то будет благоприятно *Истине*, для которой и работают Ученые?...

Но — что будет, то покажет будущее время: «день бо явит!» Теперь же, глядя на тружеников Науки, как постоянно они, при всех неудачах, стремятся на высоту неведомой Истины, можно жалеть только: зачем ведет к ней путь такой далекий и тернистый, на коем неизбежно столько падений и заблуждений! Но всякий труженик Знания уже утешен в сердце своем тою самонаградною Любовью, которая стремится его к возвышенной цели. Пусть только отложит он завременное самонадеяние разума своего перед Истиною: ибо Ученый есть только созерцатель и ведатель сущей Истины, а не строитель ее по произвольной мере своего частного разумения.

Пусть каждый исследователь Русского Бытописания помнит о той ясной, живой положительности, с какою писана древняя Русская Летопись, — о том духе смиренномудрия, каким исполнен был Преподобный Отец Бытописания Русского «Аз грешный Нестор, мний всех в монастыре блаженного отца всех Феодосия.» Но умственный труд сего *наименьшаго* инока был редким явлением своего века между новыми народами, и его скромная *повесть временных лет* целые столетия разливала свет познания о древней Руси, и навсегда останется многоценным, несокрушимым памятником нашего Бытописанья и Словесности, — как телесные останки бессмертного инока почивают нетленными в первой обители Русских праведников, в Святой колыбели Бытописания Русского!

8 Ноября, 1836.

Примечания

ПРИМЕЧАНИЯ.

(1.) — Народы *Словенского* или *Славянского* племени я разделяю на два отдела: на *Восточных* или *Русских* Словен и Словен *Западных*.

I. Между ВОСТОЧНЫМИ или РУССКИМИ Словенами я различаю:

1.) *Руссов Северных*, к коим принадлежат *Великоруссы* или собственно так называемые ныне *Русские*, и *Белоруссы*.

2.) *Руссов Южных* или Украинно-Галицких.

Сообразно сему и прежние Восточно-Словенские народы (упоминаемые Нестором и другими) можно разделить (по примеру К. Калайдовича, 1815) на

1.) *Северновосточных*: Словены Новгородские, Кривичи с Полочанами, Дреговичи. Сюда же причислить должно и две ветви, отшедшие от Ляхов — Радимичи и Вятичи; в состав Велико-Руссов вошли и Куряне (которые зовут себя *Руськими*, отличая тем себя от Малороссиян, а потому слово *Руський* напрасно усвоивается исключительно Белоруссам).

2.) *Южновосточных*: Поляны, Северяны с Суличами, Древляны, Тиверцы и может быть Белые Хорваты.

II. ЗАПАДНЫЕ СЛОВЕНЫ разделяются на

1.) *Северозападных* или *Вендских*, к которым принадлежат: *Чехи* (с Моравами) или *Богемцы*, *Словаки*, *Ляхи* (с Мазовшанами или Мазурами, Силезами и с прежними Лутичами Поморянскими и собственно Поморянами), *Сырбы* или *Венды* (Лузацкие). Сюда же я причисляю и бывших там *Руссов* и других Варягов Словенского племени (Вильков или Заодерских Лутичей, Вагров и проч., уже обнемечившихся подобно Поморянам).

2.) *Южнозападных* или *Задунайских* (называемых и просто *Южными*), к которым принадлежат: *Сербы* с прочими Иллрийцами, Хорваты или Кроаты, *Хорутаны* или Винды и Болгары (перешедшие на Дунай с Волги. Они первые из Словенских народов сделались грамотными, и их язык образовался в *книжнословенской*, как справедливо у нас принял Востоков, — в *Собр. Слов. Пам.* Кеппена 1827, — и как особенно исследовал то Венелин, составивший и Грамматику языка Болгарского, к сожалению доселе неизданную). Книжно-Словенский язык признает Болгарским и сам Шафарик, — от которого и Русский язык отделен, в особый отдел от языков Словен Задунайских, с коими в один отдел он соединял их

прежде, по примеру Добровского. — Неудовлетворительность деления, предложенного Добровским: на *Северозападный* и *Юговосточный* отделы, уже давно замечена и у нас, почему оно уже и оставлено некоторыми и нашими писателями.

(2.) Мнение, что имя Руси принадлежало жителям нашего Отечества искони, с незапамятных времен, в настоящее время принимает Венелин (*Древн. и нын. Болг.* 1829), признающий Сарматов и Гуннов за одно с Руссами, к коим причисляет он и Болгар, называя их Волжскими Руссами — и Гуннами. Волжскими Словенами также и Ломоносов признавал не только Варягов-Руссов с Балтийского Помория, но и Болгар. — От Волги производили и название *Волынян*.

(3.) Академик Байер, в рассуждении своем о *Варягах* (которое напечатано на Латинском языке 1735 года, а в Русском переводе явилось впервые кажется 1768 г. в 1 ч. Истории Татищева) восстановил тот объем, какой имело слово *Варяг* в древней Русской Летописи, утверждая, что в ней назывались так все вообще Скандинавы и Даны; он положил основание и тому мнению, по коему Руссов стали почитать племенем Скандинавским, — по Тунману и Шлецеру — *Шведами*.

Впрочем это мнение долго еще не имело у нас хода; ибо — с одной стороны *Ломоносов*, имея такое же как и Байер понятие о *Варягах* относительно Скандинавов, сильно поддерживал против Миллера давнее и общее у нас мнение о *Словенизме* Варяго-Руссов, мнение хотя у него и не очень ученым образом (по понятию Шлецера) обставленное, но в сущности дела справедливое. Ломоносову в этом соревновал даже противник, его *Тредьяковский*, который в то же время писал против Байера и других *три рассуждения*, напечатанные 1773 г. Тредьяковский, доказывая *по-своему* Словенизм *Варяго-Руссов*, имя Варяга распространял не только на Скандинавов, но и на все Западно-Европейские народы, сообразно не Нестерову, но древнейшему значению у нас этого слова (см. § 9, стр. 42 нашего исследования). — С другой стороны — вскоре после Истории Ломоносова издана была наконец (1768—84) История *Татищева*, и его мнение о происхождении Руссов от Финнов, происхождением почти современное Байерову мнению, сделалось господствующим между Русскими, особливо с последнего десятилетия прошлого века, после того, как это мнение поддержал Болтин (с 1788). — Сам издатель Татищева трудолюбивый Миллер был продолжателем и распространителем (с 1750— 72) сходного с Ломоносовским, давнего мнения о пришествии Руссов из Пруссии (где жили *Роксоланы* по Геогр. Равенск.), которое поддержано было и со стороны Князя Щербатова (1770).

Таким образом до Болтина господствовала *старая Русская* или *Ломоносовская* историческая школа, ведущая к нам Русь через Новгород с *Северозапада*, с *Поморья Балтийского* и производящая ее от Роксолан. — Такое мнение и не могло не иметь хода, когда принято было и Миллером, оставившим Байерово мнение, после горькой неудачи высказать оное в своей академической речи. — Вследствие неперемennого настояния Ломоносова перед Шуваловым, Миллерова речь уже напечатанная была подвергнута ученому суду и разбору членов Академии Наук (Ломоносова, Попова, Крашенинникова, Струбе, Фишера) и неодобрена ими к произношению и выходу в свет: ибо, пишет Тредьяковский, «освидетельствованная всеми членами Академическими, нашлась, что как исполнена неправости в разуме, так и ни к чему годности в слоге.» Так сильно не-по-нраву и не-по-мысли своего времени было мнение о *Скандинавском* происхождении Руси, которое после того события, считалось тогда не только несправедливым, но даже заторным, — подобно тому, как и Татищева История долго, до выхода в свет слыла подозрительною. — Несмотря однако на эти *дела и преданья минувших лет*, наша *историческая Критика* начинается с Байера и Татищева; оба они ведут к нам

Русь прямо с *Севера*, из-за *Балтийского моря* — (один из Скандинавии, другой из Финляндии); оба были основателями двух *новых* у нас систем исторических; у каждого был свой сильный провозвестник сходной критической умонаклонности: сначала у Татищева — *Болтин*, потом у Байера — *Шлецер*. Потому сперва образовалась школа (Татищево-Болтинская) *Северно-Финского* происхождения Руси; потом школа (Байеро-Шлецеровская) *Северно-Скандинавского* происхождения Руси.

(4.) От Роксолан производили наших Руссов еще в XVI веке разные Ученые иностранные. В прошлом столетии у нас Татищев опровергал это; но Ломоносов и многие другие писатели признавали за верное. В нынешнем десятилетии Венелин, Бутков, Бодянский опять обратились к этому древнему роднику Руссов, хотя этих общих им *Роксолан* каждый принимает различно — один за Словен, другой за Финнов, третий за народ племени Турецкого — что кому надо, смотря по системе.

(5.) Татищевское мнение о происхождении Варягов-Руссов из Финляндии возобновил в нынешнем году *Бутков* (см. его статью о *Руси и Рюссаланде* в Сыне От. 1836 № 1), весьма увеличив оное присоединением древнейшей Руси Ломоносовской, но с распространением на нее Финского родоначалия. — По гипотезе Буткова — кроме Варягов-Руссов, названных *Гото-Рюсами* и приведенных из Финляндии или *Рюссаланда* (что напоминает мнение Академика Струбе), — к Руси причисляются еще прежние Роксоланы, перешедшие на Балтийское Поморие издревле с Волги, Дона и Дуная, в которых Бутков «узнает поколение Финское, коего точное имя было *Руска-лайн* от Финских же слов *руска* — рыжий, русый, красный — общий облик Финский — и *лайн*, род, племя» — почему и у Татищева Финны назывались также *Чермными*. Ибн-Гаукаловых Руссов Бутков надеется открыть также в Поволожской *Чуди* — в Чувашах, Черемисах, Мордве — «вероятных однородцах Роксоланских» — в этой *Руси Пургасовой* (1228 г.), на которую указывает он как на Русь забытую, пропущенную Критиками. — В таком обширном, новом виде, является Татищевская система, пополняя содержание и объем свой началом Старой Русской школы, которое она покрывает своим собственным Чудским началом; а истощая оное в своем первом роднике, дополняет его Скандинавскою стихиею Байеровской школы.

(6.) — См. Библ. для Чтения 1834, № 1 и др. — «Все ускользнуло — по словам Сенковского — от внимания и проницательности наших Историков; все иссякло в тумане неуместного Словенизма и сдуто с исторических страниц Руси ледовитым дыханием старой критики.» Много правды в укоризнах Сенковского исторической критике за ее отвержение преданий народных, за односторонность ее трупового исследования буквы, а не духа в Истории. Но его обвинение Карамзина в *Словенизме* слишком скоро, равно как и его предпочтение Эймундовой Саги Летописи Нестора.

Те же явления Норманского свойства в Русской Истории можно изъяснить прямее, истиннее и плодоноснее *Словенизмом* Варягов-Руссов, от коих не только не утратилась народность старобытных насельников нашего Отечества, но пробудилась и раскрылась с новою силою и с новым духом, так сказать, удвоенного *Словенизма*. И если уже надо сравнительное имя для Земли Русской, то вместо «Новой Скандинавии» лучше бы назвать ее Новым *Поморием* (именем, уже употребленным в Песни Игорю для края, прилежащего к Черному морю): и тогда также можно бы сказать вместе с Сенковским, что «История России начинается на водах Балтийского моря.»

Что касается до его теории Языкознания, по подобию химической теории сродства, то она хороша в отношении чисто-логическом, как теория выведенная умственно и притом применительно к законам Естествознания; но в приложении к исторической действительности своего собственного предмета — она неверна: ибо

Русский язык принял от Скандинавского еще меньше, чем от Татарского; притом же Скандинавские Норманы вообще не передавали никогда языка своего, но сами принимали язык народов, у коих поселялись.

Вообще это химическое соединение Скандинавского и Словенского языка в Русский, и это физиологическое претворение в Русском теле Скандинавской крови в Словенскую, суть предположения даже лишние для изъяснения исторических явлений Руси, — кроме того, что сами по себе они неправы против действительности.

Таким же образом, принимая Варягов-Руссов за Словен Прибалтийских, можно понять с коих пор и каким путем стали являться у нас разные понятия, обычаи, законы, имена и другие предметы *общие* нам с Балтийскими Словенами, — и для изъяснения сих явлений можно, кажется, совсем обойтись *без предположения о вероятном переселении Балтийских Словен на берега Волхова не прежде конца XI века*. Тем более лишним мне кажется такое предположение, что оно (противореча положительным свидетельствам о древних событиях Новагорода и Киева) требует для основания своего еще большего предположения, а именно — *отрицания* самого бытия Новагорода до XI века, и вообще отрицания Древней Истории нашего Отечества; а таковое отрицание необходимо предполагает еще другое — отрицание достоверности в подлинной древности Русской Летописи и всех древних наших памятников; а для сего отрицания необходимо предположение о позднейшем составлении и систематическом, постоянном подлоге стольких памятников! На таком *отрицании* положительного заложено основание, и из *предположительных утверждений* начато построение новейшей, особенной исторической системы. По крайней мере таковою мне представляется система сия, *относительно ее основных начал*, — при всем уважении моем к ученым трудам и достоинствам заслуженного ее основателя. — *Отрицательное* учение Каченовского о Древней Руси совсем противоположно системе Сенковского. Ибо Сенковский преследует Шлецеровский дух отрицательного критицизма в Истории и предается Сагам, кои Шлецер *выбрасывал* из Русской Истории, как «Исландския бредни». Но последовав догматизму или положительному учению Шлецеру о Скандинавстве Руссов, он расточает его до крайности; по Сенковскому — в Древней Русской Истории *все Скандинавия!* — Напротив Каченовский совершенно отрицает учение о Скандинавстве и Руссов в вообще Варягов, принимая вместо того для Новагорода — Балтийских *Словен-Вагров* (подобно Герберштейну), для Киева — *Черноморскую Азиатскую Русь* (предположенную Шлецером в им же самим отреченную от нашей Истории). Но отрицательный дух Шлецеровского критицизма Каченовский распространяет на все древне-Русское и усиливает до чрезвычайности; по его системе — *ничего нет Скандинавского* в нашей Древней Истории, да в сама она вся — почти сказка! (см. Прим. 14) Вот две новейшие *противоположности*, в которых Шлецеровская система распадается на свои составные начала, доходя в каждой до той крайней односторонности, при которой сии разрозненные начала действуют друг на друга уже разрушительно, соединяясь с другими началами, прежних источников нашей Истории.

(7.) По Нестору начало Русской Земли в 866 г., а не за 10 лет до Рюрика, как многие понимали. — Следственно, уже и по времени первое вторжение Норманов 852 г. *in fines Slavorum* не совпадает с началом прозвания Земли Русской, как полагает Крузе, принимающий (подобно Нейману и другим) за начало прозвания Русской Земли по Нестору 852-й год, который у Нестора относится к началу царствования Михаила. См. о сем Критические замечания Погодина на изданный им перевод Нейманова сочинения о *жилищах древнейших Руссов*, 1826.

(8.) Отрицательная критика Шлецерова и современная отвергает участие Оскольда и Диры в нашествии Руси на Царьгород 866 года, на том основании, что Византийцы, при описании сего нападения Руссов, умалчивают об этих Киевских Князьях. Но это умолчание еще не доказательство. Кто же нибудь да предводил Русью и кого-нибудь хоть другого могли бы именовать Византийцы. Но они говорят только *вообще* о Руссах, не называя никого лично, по имени — или по незнанию того, или же по нежеланию. Такая безличность в сказаниях о неприятельских нападениях совсем не редкое явление в Летописях. Так Гельмольд, описывая несколько сходный с сим приступ Ружан к Любеку и их отражение Генрихом, не называет по имени ни одного Ружанина. Арабские Историки часто повествуют о победах Руссов, без названия вождей их. И в наших Летописях нередко говорится о нападениях разных неприятелей, без имени их вождей. Можно бы привести здесь, что Византиец IX века *Георгий* (Гамартол или Грешный) упоминает Оскольда и Диру, говоря о нашествии Руси 866 года, в своем *Временнике*, который известен был Нестору; но Георгиева Летопись нам известна только в Словенском переводе, и потому неизвестно находятся ли имена Оскольда и Диры в подлиннике Греческом. Впрочем, сказание Нестарово о сих двух первых на Руси Христианских страдальцах и Князьях хотя и коротко, но столь определительно и ясно в своих подробностях, что сомневаться в правде оногo еще более несправедливо, чем имя *Диры* признавать нарицательным словом (*воевода*), как доказывал Байер. Деяния Оскольда и Диры с соседними народами и их сношения с Византийцами подлежат не отрицаниям, но еще новым соображениям, после которых, мне кажется, они представились бы в большей обширности.

(9.) «Россы (говорит Фотий) славные жестокостию, победители народов соседственных, и в гордости своей дерзнувшие воевать с Империею Римскою, уже оставили суеверие, исповедуют Христа, и суть друзья наши, быв еще недавно злейшими врагами. Они уже приняли от нас Епископа и Священника, имея живое усердие к Богослужению Христианскому (И. Г. Р. Т. 1 стр. 119). Василий Македонянин, по свидетельству Византийцев, также послал к ним *Михаила* Епископа, посвященного Патриархом Игнатием (что было около 867 г.).

(10.) Когда именно Россия причислена к Греко-Восточной Церкви? — Во время Льва Премудрого около 891 г. Россия считалась уже 60-ою *Церковью* или *Митрополиею*, подлежащею Патриарху Константинопольскому, — как видно из росписи, находящейся у Кодина, сохранившейся и у нас в Софийском и других Временниках под именем *устава Льва Премудрого о Митрополиях, подлежащих Патриарху Константинопольскому*. Но как и от Фотия, и от Игнатия были уже Епископы в Руси, то вероятно она была причислена под власть Патриаршескую с 866 года.

(11.) В начале Ипатьевского списка (*Киевской Летописи*) помещена перечень Князей Киевских, где говорится: «первее начаста княжити в Киеве Дир и Оскольд, едино княжение; а по нею Олег» — и т. д.

(12.) О сем договоре с Руссами упоминается у Византийских писателей, а именно в Жизни Василия Македонянина; но вероятно сей договор был не письменный, а только *простословесный*. Эти первые сношения Руси с Царьгородом, о коих извлечения находятся и в нашем позднейшем Летописании, кои так важны для Бытописания нашего вообще и в особенности относительно введения у нас Христианской Веры, — заслуживают нового и подробнейшего исследования, как сказано выше (Прим. 8).

(13.) Черное море у Нестора называется *Понтом*, *морем Понетским* и *Руским*; в Песни Игорю называется оно *Синим морем* (как у Турков Азовское или

Суружское); но в Украинских песнях уже *Черным морем*. Когда именно вошло у нас это последнее имя? — Что касается до Запорожских Козаков, то название Черного моря они без сомнения переняли у Татар; Горцы и Крымцы и теперь зовут его по-Татарски *Кара-Тэнгиз*.

(14.) Документально в *Договоре с Греками* 912 года. — Сей древнейший памятник Русского языка и законоположения, сохраненный в списках Несторовой Летописи, весьма важен в многообразных отношениях для нашей Истории. Шлецеру он мог еще казаться сперва «загадкою, которую (по словам его) разрешить труднее Гомерова списка кораблей», а потом и подделкою XIII или XIV века; но последовавшие ученые изыскания, особливо Эверсовы (1826 г.), уже решили это достаточно. — Что касается до новейшего сомнения (Уч. Зап. М. У. 1834) о подлинности сего договора и подозрения о его подложности и подделке по образцу Западнему, то это более следствие *отрицательного учения о Древней Руси*, чем прямое возражение, из непосредственного нового рассмотрения сего памятника происшедшее (как у Шлецера). Подобно сему возникли новые сомнения о подлинности и других древних Русских памятников, — именно как следствия и теоретические выводы из общих положений этой отрицательной системы, потом уже подкрепляемые разными доказательствами, направленными более к оправданию системы, чем к открытию истины и разъяснению самих памятников. — Убежден будучи с своей стороны в истинной древности в неподложности Договоров Руси с Греками, Повести Несторовой, Русской Правды, Песни Игорю и проч., основываясь на них, как на памятниках подлинных, — я считаю уместным сказать несколько Слов и с своей стороны об этой *отрицательной системе*. — Относительной пользы и достоинства ее не отрицаю; признаю вполне справедливость и тонкость многих частных ее замечаний и подробностей; однако же, в ее *общем начале и направлении*, я почитаю ее неправильною: ибо она оказалась покушением мысли оспорить бытие, — усилием логической возможности и вероятия опровергнуть историческую действительность и достоверность. — Не знаю, усвоится ли системе сей достоинство высшей критики, во имя коей отвергает она наши древние памятники: ибо, утверждаясь на понятии независимом от предметов своих, она прикасается к ним более в наружных, отдельных, случайных подробностях (см. для примера Прим. 35), чем проникает в их сущность и общую целость. — Но *скептицизмом* система сия прослыла недаром: ибо «дух отрицанья, дух сомненья» есть главный характер ее, по которому она составляет собою крайность *мнительного* и вместе *самопроизвольного критицизма* Шлецера (см. Примеч. 6.). Но Шлецер, хотя часто небрежно и своенравно обходился с Повестью Несторовой, — хотя непонятное для него, или несходное с его мнением обыкновенно слагал на вставщиков в переписчиков; однако видел все достоинство Несторовой Повести и важность ее для Древней Истории не только Русской, но и вообще Северной того времени, и старался истолковать, выразуметь, объяснить ее. — Эверс, при всей противоположности Шлецеру в положительном учении своем о Руси, нашел в Несторовой Повести богатый источник истины для Истории самого Законодательства Русского. Не говорю о Карамзине, Тимковском, и большей части писателей современных. Для всех были и есть несомненны ее *достоверность* и *подлинность*, в защиту коих еще недавно писал Погодин (Библ. для Чт. 1834-35). — Чем более раскрывается наша Древняя История, с большим узнанием писаний иноземных, с лучшим уразумением наших собственных древних памятников, тем очевиднее становится и достоверность древней Русской Летописи и ее достоинство, в сравнении с другими иноземными Летописями, перед которыми Шлецер отдавал... почтение, в таких у...

Но это самое достоинств...*

...нее отрицательную систему, а вместе с нею и противу всей Древности Русской.

— Невозможно, говорят, чтобы Нестор — Киевский монах, в XI веке — мог написать Летопись довольно стройную и не совсем чуждую соображения! Невероятно, чтобы он — в Киевском монастыре в то время — имел такие сведения, из коих многие неизвестны нам из других иноземных писателей! Неизвестно, откуда именно Нестор взял многие из этих сведений, а притом иноземцы о многом повествуют иначе! Нет списка от XI или XII века, на котором бы именно выставлено было, что это начало Русской Летописи, повторяющееся в сотнях списков, написано *Нестором!* — Но вместо того, чтобы заняться еще большим объяснением сих (уже значительно изъясненных) обстоятельств, а в случае остающихся еще недоразумений предоставить их на решение будущим исследованиям, — отрицательная система отвергла самое явление: Летописи Нестора она отказала в древности и подлинности, и назвала ее позднейшим и недостоверным сборником XIV-го, а может быть и конца XIII века, — будто в это тяжкое для Руси время легче было составить ее иноку Суздальскому или Новгородскому!

И на таком-то основании почти вся Древняя историческая жизнь Руси, с ее первыми лицами, событиями и большею частию памятников ее Словесности, заподозрена в позднейшем вымысле и даже умышленном подлоге, в переиначенных заимствованиях из каких-то иноземных писаний (или непоказных, или ничего не показывающих в пользу системы, напр. Гельмонда Адама Бременского). — Вследствие того Рюрик с братьями, Оскольд и Дир, Олег (не говоря уже о Кие, Щеке в Хориве, о Гостомысле и Вадиме) — признаны за лица баснословные! Завладение Новгородской земли Варягами, призвание трех братьев на княжение, сказание о начале Земли Русской, о походах Вещего Олега, о покорении Полоцка Владимиром и Его родоначалии Полоцких Князей — вымыслы! Путешествие Св. Ольги на Север, княжение Владимира и Ярослава в Новгороде, Русская Правда и самое бытие Нвагорода до конца XI века — все это должны быть умышленные и позднейшие выдумки хитрой политики Новгородцев! *Небывалые же и нестоющие критики* Договоры с Греками Олега, Игоря и Святослава (не говоря уже об Церковных Уставах Владимира и Ярослава) — тоже Новгородские подделки XII или XIII века, подобно Русской Правде! А Песнь Игорю — это подделка еще позднейшая, чем Летопись, приписываемая Нестору: ибо вероятно ли, чтобы у нас она явилась в то время — «когда еще в Европе большею частию писали на Латинском языке, когда еще не раздавались народные песнопения, не было еще Дантовой Божественной Комедии и Петрарковых канцонов?»...

Сколько знания, соображения, искусства и труда надо предположить в XIII или XIV веке на Руси, допуская вымысл Истории, какую только вековая жизнь народа сильного создавать может! предполагая возможность подделки памятников столь похожих на истинные и подлинные, столь согласных с неоспоримыми останками нашей Древности и сообразных с событиями того времени у прикосновенных к нам народов и их писаниями!! — И из каких бы это видов? Из корыстной ли, общественной выгоды хотели действовать на современников? или же из самоотвержения и любви к своему прошедшему, замышляли о потомстве?... И в ком бы нашлось тогда столько знания и умения: уже-ли в промышленнике Новгородском? Кто бы решился на такое недобросовестное и непрямое употребление своего дарования: уже-ли набожный инок Суздальский?... Слишком высокое в первом отношении, погрешительное во втором, и несправедливое во всяком случае понятие о Старине Русской XIII в XIV века!

* Три строчки в оригинале не отпечатались полностью (*Примечание редакции*).

Средство *всеобщего* подлога *литературного* для того времени есть совершенная невозможность и несообразность во всех отношениях, — и целая система столь искусного вымысла стольких памятников, в XIII или XIV веке, была бы явлением гораздо более неизъяснимым и беспримерным, гораздо менее вероятным и возможным, чем действительное явление оных в свое подлинное, древнее время, до нашествия Татарского!

Были и у нас в средние времена свои вымышленные сказания о Руси и не Руси, впрочем из замыслений менее обширных и более простодушных; но они у нас и признаются за вымыслы и отличаются от действительности, как от подлинной Татарской монеты отличается подделка Болгарская. Если же настоящие письма на какой-нибудь древности покажутся иногда простыми арабесками, то это вина, уже критика.

В позднейшее время являлись и у нас литературные подлоги: но кто же верит, например, в подлинность Иоакимовой Летописи, Гимнов Бояновых, писанных рунами Словенскими?...

Что касается до недостатков, погрешностей и заблуждений, то они были и есть у нас, как и везде и всегда: «errare humanum est» говорили Латины; но по Русской пословице «ошибка в фальшь не ставится». — И если Древняя Русь в XI и начале XII века не была дикою степью и пустынею, как земля Половецкая или Скандинавия, — если она с принятием Православия скорее других просияла-было и кой в чем упредила современный ей Запад: то я не вижу еще основания и причины почему бы нам отречься от того в наводить сомнение на Древнюю жизнь Руси. Создания думы в слова ее сохранили ее для памяти потомства; в никакая критика, самая мнительная а недоверчивая, со всею силою своей возможности и вероятия, не в силах поколебать ее Истории, опровергнуть памятников ее Словесности. Верно *могли* их написать когда *написали!*.. Сомневаться же можно во всем, не верить можно ни чему, и всякое верование можно называть слепую верою, суеверием, староверством и предрассудком. История философских систем представляет разительные тому примеры; но система логически верная, не есть еще истинная и естественная!.. И если несомненна «польза изучения Русской Истории в связи со Всеобщею», то это изучение должно бы привести не к отрицанию нашей Древней Истории, а к открытию 1) того общего *соответствия и подобия* исторических явлений, с какими человеческая жизнь раскрывалась на нашем Востоке и Европейском Западе, 2) тех *особенностей*, с какими — в тех же соответственных и однозначительных явлениях своих — человеческая жизнь *здесь и там* выражалась своим собственным, отличным образом.

(15.) По Ипатьевскому списку. — Шлецер справедливо, мне кажется, заметил, что под словом *вся, вси*, так часто встречающимся в Летописи при Кривичах, надо разуметь Чудской народ *Весь*.

(16.) При моем понятии о том, кто были *Варяги-Руссы и Рюрик*, я почитаю достойным еще нового и подробнейшего раскрытия тех *отношений*, в которых, незадолго до призвания на княжение и пришествия Рюрика, находились и он и Ружане (с ближайшими к ним Заодерскими Словенами) — как между собою, так и к Лотарю.

Тогда может быть объяснилось бы виднее, почему Варяги-Руссы покидали край свой и почему они соединились именно с Рюриком; тогда и самое призвание Рюрика и его пришествие, столь кратко изложенные у Нестора, может быть сделались бы понятнее и определеннее. Ибо теперь все еще есть место тем мыслям, что Рюрик был не столько призванным защитником, сколько насильственным завладетелем Новгородской земли (по Миллеру, Шлецеру, Крузе) — предположение тем более правдоподобное, что и первое (859 г.) нападение Варягов

из-за моря предполагается учиненным дружиною Рёрика с берегов Шведских (из Бирки). — Впрочем если бы и оправдалось вполне такое мнение относительно Рюрика; все же посольство к Варяго-Руссам и призыв на княжение могли быть своим чередом, независимо от пришествия или нашествия Рюрикова, и должны быть принимаемы как событие *историческое*.

(17.) Выражение весьма употребительное у Певца Игоря, когда он изображает любимейшие свои лица — Бояна, Всеслава, Игоря. «Всеслав Князь людем судяше, Князем грады рядяше, а сам в ночь вльком рыскаше ... великому Хрсьови вльком путь прерыскаше.» К Рёрику я применил его и потому, что Норманов называли *варграми* (Wargr) т. е. *волками*, — откуда всего вероятнее, кажется, можно производить (Прим. 33) слово *Варяг* однозначительное с *Норманом* (стр. 40). В таком же смысле вероятно и Заодерские Лутичи (т. е. лютые) названы *Вильками* т. е. волками, и этим именем (*Вильци* или *Вильки*) величали их — по Гельмольду — «a fortitudine». По такому (Татищевскому) объяснению этих слов выходит, что имена *Вагров* и *Вильков* (принадлежащих к *Варягам-Словенам*) однозначительны, только у первых от Немецкого, у вторых от Словенского слова.

(18.) В этом убеждаюсь я статью Крузе о *происхождении Рюрика*, помещенною в Ж. М. Нар. Пр. 1836 № 1. — Тожество Рюрика с Рёриком Крузе изъясняет всех удачнее; он показывает, что в те самые годы, когда Рюрика не видно в России, Рёрик является завоевателем в Германии, — когда Нестор говорит об нем, тогда молчат Франкские Летописи; — след его исчезает в Германии, когда Нестор повествует о его смерти в России.

Из сего открывается, что небогатое событиями и прерывистое сказание Нестора о Рюрике было не без основания и не заслуживает за то укоризны: именно эта недостаточность его и показывает, что оно ограничено только *домашними* и *положительными* известиями, чуждо вымыслов и заимствований из Западных источников и даже своенародных преданий, по коим Нестор мог бы распространить свою Повесть о древнем Князе, — как сделал составитель так называемой Иоакимовой Летописи в сказании о первых лицах земли Новгородской.

(19.) Варяги-Руссы вообще и собственно Ругияны или Ружаны называются у и...^{*} писателей различно: Rusi, Russi, Rugi, Rugiani, Rujani, Rojani, Rani, Rimi, Runi, Rutheni, Rudeni; а остров Руген — Rugia, Rutia, Ruscia, Russia. Любопытно видеть как разнообразится одно и то же имя у разных лиц; но еще любопытнее разнообразие понятий у разных лиц об том же предмете.

Татищев (Т. II. стр. 404, но слич. Т. I. стр. 266) едва ли не справедливее всех полагал, что в назначении Оттоном I-м Адальберта к *Руссам*, надо разуметь *Ругиян*. — Карамзин находил вероятным мнение *ученого Ассемани*, что в словах Регинава продолжателя «*Helenaе Reginaе Rugorum*,» должно читать *Russorum*; а в назначении Адальберта — вместо *Russorum*; надо разуметь (вопреки Шлецеру) *Rugorum*, — и предполагал, что Ламберт, Дитмар или писец его разумели *Rugia*, а написали *Russia!* (Т. I. Пр. 395). — Напротив Шлецер, доказывая, что не только Елена, Царица Ругийская была наша Княгиня Ольга, но и Адальберт был первым у нас Епископом, говорит так: «что *Rugi* значат Руссы — это верно; ибо глупость писателей временников средних веков известна... Ассеманиевы бредни, который под Ругиянами считал жителей Ругена, не стоят опровержения.» (Т. III. 454). Но Каченовскому (Уч. Зап. 1835) превращение слов *Rugi* и *Rugia* в слова *Russi* и *Russia* кажется «вольностью тогдашних грамотеев»; а *Россия, сопредельная Померании* (по жизнеописателю Еп. Оттона, 1124) «представляется или в искаженном виде, или словом схваченным с воздуха» (в котором оно часто раздавалось!) — Такова сила

* Не отпечталось одно слово (*Примечание редакции*).

предубеждения, с которым оспаривали имя *Руси*, у того края, из коего оно к нам перешло и где долго еще оставалось. Представляются очевидные свидетельства (Дитм., Ламб. и многие др.): но — «хоть знаю, да не верю!»... Здесь можно вспомнить и то, как розно писали имя нашего Отечества: *Ruzia, Ruzzia, Rutia, Ruthenia, Reussen*... Подобно сему и Пруссию называли *Pruzia, Pruzzia, Prussia, Borussia, Prucia, Pruthenia, Preussen*. Шлецер не без основания очень сетовал на таковые вариации.

Что касается до Ружан, то Пресвитер *Гельмольд* (1170 года), в своей *Хронике Словен* (Кн. I.), описывает их довольно подробно; так например:

«*Раны* или *Ругияны*, народ сильнейший из Словен; один только имеет у себя Царя; против их мнения ничего не совершается в делах общественных; столь страшны они, по близости с ними богов или лучше демонов, коим служат они с большим против других почитанием.» (Гл. 1.)

«*Ругияны* народ жестокий, живущий в сердце моря, чрезмерно преданный идолопоклонству, первенствующий у всех Словенских народов, имеющий у себя Царя и знаменнейшее капище. Увлеченные жаждою обладания, они пришли (на кораблях) к Любеку, стремясь завладеть всюю областью Вагиров и Нордальбингов...» (Гл. 37).

(Сличи слова Фотия о Черноморских Руссах 866 года, в Примеч. 9.).

(20.) В *Примечании о происхождении Руссов* к изданному им сего 1836 года переводу *Рейцова* сочинения *Опыт Истории Российских Законов*. Обращаю внимание Читателей моих на Примечания *Морошкина* относительно *Руссов* и *Варягов*, где найдут они многое, в подтверждение раскрываемого нами *Ломоносовского* мнения о тех и других, к которому он сделал прямой переход, устремясь по следам *Каченовского* к *Ломоносовским* поискам нашего Прибалтийского Словенизма в Западных источниках. — Там же читатели найдут Примечание и о *Русской Правде*, о которой *Морошкин* представил несколько новых и основательных соображений, как в утверждение ее древности и Словено-Русского происхождения, так и в подтверждение того, что *Ярослав I* был Законодателем Суда Церковного. Но исследуя сей предмет, *Морошкин* ничего не говорит о *Владимире*, который был еще прежде у нас Законодателем *Церковного Суда*. При рассмотрении вопроса: когда *Русская Правда* сделалась письменным памятником нашего Законодательства, — мне представляется повод думать, что она таковою составила в *Киеве* еще до *Ярослава*, — вероятно при *Владимире*: ибо — от него у нас было уже письменное Законодательство *Церковного Суда* и *Завета о десятинах*; «*Бе-бо Володимер любя дружину и с ними думая о строи земленемь, и о ратех, и уставе земленем.*» (*Лавр. Сп.*)

(21.) Из *Ипатьевского* и *Кенигсбергского* списков. В *Лаврентьевском* списке — об *Рюриковом* метопребывании, а равно и о построении *Ладоги* — пропуск.

(22) Ошибка произошла и от того, что между словами «*Руская земля, Новугородьци*» не было поставлено *запятой*. Я принял текст с тем разделением слов, как он издан *Тимковским*, почитая оное правильными.

(23.) *Род* значит не только родню, родичей в ближайшем смысле, но и в смысле однородцев, земляков — с той же родины, и даже в значении *народа*, например: «*Роди, нарицаемии Руси...*» Следующие за сими (в *Никоновской* *Летописи* и *Степенной Книге*) слова — «*...иже и Кумани, живяху в Ексинопонте*» — послужили основанием для *третьей* из новых исторических школ (как сказал я в *Примечании 26*). — Но эти слова, без сомнения, взяты из какого-нибудь *Византийца*, как видно уже по именам *Ексинопонт* и *Кумани*, — и можно думать, что они

принадлежат писателю того времени, когда у Византийцев сделались известны *Куманы*, которыми он — рассказывая о нападении прежних Руссов в 866 году на Царьгород, мирном договоре с ними Василия Македонянина и их преложении на Христианство — поясняет Черноморское пребывание и варварство этих *Дромитов* — обладателей *Ахиллесова бега*, а по Льву Диакону — *одноземцев Ахиллесовых*, таких же голубооких, красноволосях и быстроногих. Впрочем весьма может быть и то, что этот Грек считал Руссов и одноплеменниками *Куманов*, — с тою же верностью и точностью, как другие Византийцы называли сих же (Оскольдовых) и Святославовых Руссов Скифами Таврийскими, а иные Франками, — и с довольною близостью к Шлецеру мнению о Руссах 866 года. — Но Шлецер вывод из этого одного места Степенной Книги и Никоновской Летописи, будто и сами Русские в XV веке считали прежних Руссов *Куманами* или *Половцами* столь же основателен, как и его заключение — из приводимых Шведскими Историками слов Новгородского Архимандрита Киприана — будто и сами Русские в начале XVII века считали Руссов *Шведами* (см. Прим. 53). И Шлецер, опровергая (будто древне-Русское) мнение, что Руссы были Куманы, сражался с собственной мечтою!

Эти же четыре действительно неважные слова признаны за важное известие и системою отрицательною, для ее подкрепления в том, что Русь есть Азиатское племя. Но она не должна бы по силе произвола основываться на этом известии, которое по ее же правилам должно быть для нее *недостовечно и вообще* — как Летопись Русская, *недостовечно и в особенности* — как известие исполненное баснословия и вымыслов: ибо в том же месте *Князьями сих Руссов* называются именно Оскольд и Дир — лица баснословные и вымышленные Новгородцами, по утверждению сей системы! Как же ей полагаться на такое место?... Но — стало и по системе отрицательной можно черпать из источников вдвойне недостовечных, особливо для оправдания своего мнения, — можно и среди баснословия отыскивать истину, или то, чему надо быть истинною для своей системы!... А между тем Южная Русь, особливо в Козачестве, действительно представляет в стихиях жизни своей много *Азиатского, наезднического, Черкесского* ^(а). Да и в Древней Киевской Руси Азиатская стихия жизни начинает являться еще при Воинственнике Святославе, который «за Порогами Днепровскими сложил буйную голову свою — сей *первообраз* голов Козацких» ^(б). — Но уже-ли присутствия Азиатски-наезднической стихии — в жизни этих Черноморских или Южных Руссов-Словен — нельзя изъяснить без *предположения* о их племенном однородстве с Печенегами, Половцами, Берендеями, Торками и Черкесами Кавказскими?... И здесь также могу сказать: предположение лишнее и для изъяснения явлений, кроме того, что несправедливо само по себе! Без него можно обойтись, как и без мнения Герберштейна, который не только имя Варяга ограничивал одними Словенами-Ваграми, но и Пятигорских Черкесов (=Косоги) причислял к народам племени Словенского.

(а) Об этом я своим мнением еще за 10 лет сошелся с историческим мнением Каченовского, при первом издании *Малороссийских песень* (в 1827 году). Предисловие к ним было сперва напечатано в Вестнике Европы (1827. № 15), где мысли мои о присутствии Азиатской или Кавказской стихии в быте и составе Украинцев Издатель почтил своим подтвердительным Примечанием, ссылаясь и на мнение Карамзина о Козаках и Черкесах (Т. V. стр. 393 и след.). *Личное* посещение Кавказа в 1832 году еще более меня уверило в прежних моих мыслях.

(б) Повторяю сказанное мною во втором издании *Украинских народных песень*, 1834 года, — на стран. 67.

(24.) Умножение Руссов в Киевской Земле весьма могло произойти от нового переселения Руссов с Помория Балтийского прямо в Киев (как предполагает

Морошкин), — и может быть верховья р. *Роси* у Днепра (примеч. 27) были поселением сих выходцев. — С предположением сего *очень вероятного* переселения Руссов на Днепр, становится еще понятнее и умножение их у Черного моря и в службе Царьгородской (700 Руссов в 902 г., еще до *Игоря!*)

(25.) Предполагаемая мною немирная уступка Киева Руссам от Казар, кажется, дело весьма естественное и возможное, — хотя о том молчат Русские Летописи, кроме одной, на которую однако же, как давно отреченную Миллером, Шлецером и Карамзиным, уже положено не ссылаться. Я разумею так называемую Иоакимову Летопись, не могущую быть авторитетом и по странному ее появлению в свет — в Истории Татищева, и по многим вымыслам, коими она изукрашена, даже нарочно вопреки Нестору. При всем том не вся она чужда истины в своей основе, и есть в ней некоторые известия, кои могут послужить, если не основным, то хоть дополнительным или вспомогательным запасом историческим и быть приняты в соображение. Таково между прочим следующее место: «Осколд-же шед облада Киевом, и собрав вой, *повоева первее Козар*, потом иде в ладиях ко Царюграду, но буря разби на море корабли его» (Тат. I. стр. 35). Пусть это даже вымысел, составленный по соображению сочинителем Летописи: только он очень правдоподобен. Впрочем и с моей стороны это только предположение. Между тем, не в оправдание себя, скажу и здесь, что великий *произвол* критики Шлецеровской пал на все деяния Оскольда, даже во всем сказании самого Нестора. К сказанному о сем в Примечании 8-м, прибавлю следующие замечания.

1.) Только в Архангелогородском Летописце сказано, что Оскольду и Диру Рюрик «не дал ни града ни села»: Шлецер слова сии включил даже в самый текст Несторов. А почему? Шлецер «очень рад, что Архангелогородский Летописец его (прежнее) подозрение обращает в достоверность»! Здесь Критик подумать не захотел, чтобы это могло быть собственной догадкой Летописца, которая могла у него родиться, когда дело шло о раздаче Рюриком городов мужам своим.

2.) В Никоновской Летописи есть дополнительное известие к походу Оскольда и Диры на Царьгород 866 года. «В лето 867 возвратишася Оскольд и Дир от Царяграда вмале дружине, и бысть в Киеве плач велий.» Это известие, здесь определеннее чем где-либо сказанное, Шлецер почитает уже собственным изобретением Летописца, которое он легко мог предположить и исчислить из предыдущего, даже в назначении 867 года! А почему? Шлецер отвергает весь поход Оскольда и Руссов из Киева на Царьгород!

3.) В той же Никоновской Летописи, и только в ней одной, сохранились известия: под 864 г. о убиении Болгарами Оскольдова сына, — под 867 г. о побиении Печенегов Оскольдом и Диром. — За эти события (равно и за войну с Полочанами 865 г., по мнению Карамзина), как нигде более не упоминаемые, виновата Никоновская Летопись: ибо первое событие для Шлецера «непонятно и невероятно»; а второе показалось ему «страшною ошибкою в летосчислении» — потому будто, что в списках Несторовой Летописи (за исключением двух древнейших т. е. Лаврентьевского и Ипатьевского, в которых об этом совсем пропущено) сказано: Печенеги *приидоша первое на Русь* при Игоре 915 года; — между тем как в Никоновской летописи говорится не об нападении Печенегов на Русь, а об Оскольдовом их побиении, которое могло быть и наступательное, и *не близь Киева*; притом о появлении, кажется, их на Руси (хотя мимоходом) — Нестор упоминает прежде, после Обров: «По сих же паки идоша Угри Чернии мимо Киев; после же при Ользе.»

Я не ручаюсь за истину сих показаний; но не вижу причины признавать их и недостоверными, — не могу не указать того, что *отрицание* их основано более на

произволе критики, который там же является и в обратном виде, в *утверждении* — а именно:

4.) В той же Никоновской Летописи под теми же годами сохранились известия: под 864 г. о возмущении Новгородцев против Рюрика и убиении Рюриком храброго Вадима и его советников, (о чем говорится еще в Степенной Книге теми же словами); а под 867 г. о побеге от Рюрика в Киев многих Новгородских мужей. — Эти три известия Никоновской Летописи Шлецер принимает уже, как «отменно важные» и, подобно Миллеру, выводит из них соображение и заключение о насилии Рюрика, неудовольствии Новгородцев и проч. Все эти три известия также пропущены в других Летописях наших: но здесь, по суду Шлецеру, виноваты уже *трусливые переписчики*, которые (все!) с *умыслом* это выпустили и скрыли!! — (Нест. Ч. 1. 358).

(26.) Странная участь этих *Черноморских Руссов-Азиатцев* в наших исторических системах. Они как *мечта* являются с Юга для тех, кои ведут к нам с Севера Русь Скандинавскую, и как действительная *сущность* принимаются первыми отрицателями пришествия Руси с Севера. Так еще первоначальник учения о Скандинавском происхождении Руси Байер принял-было *Руссов* или *Россов* 866 года за Арабов и разбойников из города *Роса*, что в Киликии; но потом сам же отменил это мнение и уверился, что то были наши Киевские Руссы, по общему о том мнению. Но в Московском Университете явилась новая система, по которой древние Руссы приняты положительно за *особый Черноморский Таврический народ*, принадлежавший к *особому Кавказскому* или Горскому племени — древних Лазов. Система сия, мною полагаемая в основание третьей новой исторической школы, была преподаваема в 80-тых годах ученым, первым в России Заслуженным Профессором *Чеботаревым* ^(а), который был основателем и председателем *Общества Истории и Древностей Российских* при Московском Университете, — которого Шлецер называл «своим руководителем в Русской Истории». — Но Шлецер был жарчайший поборник Скандинавской Руси: потому хотя и принял Черноморских Руссов своего руководителя, но только как громовой отвод для своей Шведской Руси, — и до того лишил их всякой определенности, что последователь Скандинавского же учения Крузе — Шлецеру мнение о Черноморских Россах назвал «*мечтою, незаслуживающею даже опровержения*» (Ж. М. Н. Пр. № 6.). И в самом деле — *Черноморские Руссы*, по представлению их Шлецеру, не более как призрак или мечта, от которой сам он зачурал Русскую Историю! Ибо хотя он и представляет их как народ «*сильный, великий, завоевательный, давно уже известный и приводивший в ужас все берега Черного моря,*» — хотя решительно отрицает, что они не могли быть ни *Арабами*, ни *Козарами*, ни *Куманами*; однако этот *особый народ* казался ему «*неизвестною ордою Варваров, которая показалась на Западе и исчезла; — шла с Востока, но неизвестно откуда; названа в Царьгороде Россами, но неизвестно почему; прогнана в свои пустыни не Европейским просвещением или храбростию, но случаем только, и неизвестно куда — и не появлялась никогда после в Истории, по крайней мере под именем Россов!*» (Прим. 24). Самое его различие этих *Россов* от наших *Руссов*, по буквам *о* и *у*, также не более как слуховой обман: *Куманы* также называются *Команами*; а притом пресловутые *Свеоны* Бертинских Летописей называются в них также *Россами*, и между тем они составляют одно из трех Шлецеровых доказательств мнимого тождества наших *Руссов* со *Шведами*! При всем том Шлецер уверен был, что он «ясно доказал, будто Нестор ошибся, различа Руссов от Шведов и несправедливо перемешав Византийских *Россов* с своими Руссами». — Он говорил еще, что «этим Черноморским Руссам надобно быть или Скифами, или Сарматами, или Словенами» — говорил это в насмешку над «*любимою мечтою Русских Историков*» — сказав в другом месте, что в Русской

Истории (до его времени) — «царствует *неученая фантазия*.» — И так Шлецеру казалось странною *мечтою* мнение о происхождении Руси Словенском! Но это была мечта Ломоносовская, вековым поверьем Руси и других Словен освященная, и как видно — возникшая из существенности: потому и обращается опять в действительность. Шлецерово же мнение хотя было плодом и *ученой фантазии* его; однако теперь называется *мечтою* от самых последователей учения о Скандинавской Руси; — и когда он зарекает о Черноморских Россах не упоминать в Русской Истории, то мечта его походит на темное предчувствие новой школы, которая его отреченным Южным Руссам-Азиатцам даст силу положительности, а положительное учение его о Северных Руссах-Скандинавах запечатлеет отрицанием и признаёт мечтою, — которая для системы его будет как электрический удар, переменяющий магнитные полюсы в концах магнитной стрелки мореходца.

И в самом деле не замедлила собраться *третья* новая школа, противоположная *двум* первым новым школам историческим (Примеч. 5), коей общий отличительный признак в том, что она, отрицая пришествие к нам Руси не только из Скандинавии или Финляндии, но и вообще с Севера и от Балтийского моря, — ведет ее к нам *прямо с Юга, с Черноморья*, через Киев.

Я уже сказал, откуда пошла эта школа. Основанием ей послужило одно место в Степенной Книге, повторяемое и Никоновскою Летописью (см. Прим. 23), где говорится, что с Оскольдом и Диром, в их нашествии 866 года на Царьгород, были «Роди нарицаемии Руси, иже и Кумани, живяху в Ексинопонте» и что Василий Македонянин сотворил *мирное устройство* с сими Руссами и *предложил их на Христианство*. — Выходя отсюда, Чеботарев полагает, что, при походе Оскольда с Киевскими Словенами и Варягами из Киева, пристали к нему и *Руссы*, жившие при Черном море в Крыму, (как некогда приставали к Атилле, против общего неприятеля), — и после возвращения *их Князей* (Никон. Летоп.), они присоединились к Киевскому Княжению, и Греки стали называть уже целое Государство *Русью*, по имени ближайшей к ним части оною, а потом оно сделалось уже общим и между Словенами. Этих Руссов и Куманов он признает за народ особого племени, к коему причисляет Козаров, Болгаров древних и Аланов, посредством коих все они примкнуты к древним Лазам или нынешним Лезгинам. В таком (едва ли не лучшем) виде своем явилась с самого начала третья школа, которую — в общей Системе учений о Руси — я поставляю в особый *Южный разряд систем*, и в противоположность ему, две первые новые школы я означую именем *Северного разряда*. Главным провозвестником третьей школы и сильнейшим сопротивником Шлецерова учения о Руссах-Шведах был Эверс, который признавал Черноморских Руссов за *Козаров*, — как думал еще прежде Лекиен, производивший впрочем Руссов по-старинному от Роса и Роксолан. — По следам Эверса, это учение о пришествии к нам Руси прямо с Черноморья поддержал Нейман, который отвергал Скандинавское происхождение Руси на основании *Нестора* (также как и Эверс), но принимал Руссов за *давний Черноморский* народ — только не Азиатского племени, как думали Чеботарев, Шлецер и Эверс; но однородный с древними Скандинавами, — что близко к Фатерову производству Руси от древних Черноморских Готов. Таким поворотным предположением Нейман думал сойтись с догматизмом Байеровской школы, — как некогда обращенный Миллер направлял к ней Ломоносовское мнение о Роксоланах Прусских, отрицая их от *Заодерских* Словен, и таким образом сделал попятный шаг от искомой истины. — Наконец Каченовский дал этой школе новое, сильнейшее отчуждение от Скандинавии и вообще от Северного происхождения Руси, — придав к тому еще отчуждение и от Несторова сказания о Древней Руси вообще и о древности нашего Новгородского Севера в особенности; Черноморских Руссов он опять признал особым народом племени Азиатского, как положено было в начале сей школы *Чеботарево-*

Эверсовской. Таким образом третья новая школа в системе Каченовского получила особенный вид, и кроме вышесказанного общего или родового признака, отличилась еще особенным признаком *отрицания нашей древности*, — от принятия в себя и чрезмерного усиления духа критицизма Шлецеровского (о чем см. Примеч. 3 и 14), — который сопутствует ей даже и в поворотном ее направлении к искомой истине — в обращении Каченовского к Ломоносовским поискам нашего Словенизма на Балтийском Поморьи — у Гельмольда и вообще Западных писателей. Система Каченовского показала еще в Вестнике Европы (1829 г.); но решительнее открывалась по частям в отрывках (о Русской Правде) самого основателя и в сообщенных от него статьях учеников его С. Строева, Ключникова, Перемышлевского (Уч. Зап. М. У. 1834-35); относительно же происхождения Руси и ее распространения из Киева (Прим. 42) — сие учение подробно изложил Бодянский (в *Сыне От.* 1835), который, принимая Черноморских Руссов Турецкого племени, предполагает их неперешедшим на Запад остатком *Роксолан*. Таким образом и положительное учение этой системы о Руси приводится к давнему началу Старой Русской школы, на которое весьма согласен был и сам провозвестник сей третьей новой школы, — к которому пришла и Татищевская школа гипотезою Буткова (Примеч. 4). Среди двух противоположностей, какие представляют собою *две первые новые* исторические школы с *третьею новою*, — представительница Старой Русской школы *Система Ломоносовская* занимает *середину*, которая, предупредив собою обе стороны, избегла заблаговременно тех крайностей, в какие потом вдалась каждая новая школа. Ибо Ломоносовская система, не отрицая *Балтийского* происхождения Руси, ведет к нам ее с *Северо-Запада чрез Новгород*; но начало ее полагает *на нашем Юго-Востоке*: мысль, до которой достигла уже школа Финляндской Руси, — мысль, от коей не могла отстраниться вполне школа Скандинавской Руси, которая господствует в школе Черноморской Руси, и в особенной системе *исконного* пребывания Руси в нашем Отечестве, развиваемой Венелиным. Эта система современна (1829 г.) системе Каченовского и может быть отнесена к тому же Южному разряду систем исторических: ибо и по системе Венелина также отрицается Скандинавское происхождение и Руси и Варягов вообще, признаваемых также исключительно за Словен Прибалтийских⁽⁵⁴⁾, и Русь представляется так сказать в Азиатском свете от Козар, Гуннов, Аваров или Обров, принимаемых систематиком за-одно с *Болгарами*, кои у него причисляются к Руссам (Сарматам), также как и *Роксоланы*. Однако весь этот разноименный народ (причисляемый новыми писателями то к Турецкому, то к Монгольскому племени) Венелин, под общим именем Руссов, причисляет к народам племени *Славянского*; и таким образом его система представляет переход к Старой Русской школе из Южного разряда новых систем, который она примыкает собою к Старой Русской школе с *Юговосточной* ее стороны. Но в самом разряде сем она составляет собою особый отдел противоположный отрицательной системе Каченовского: ибо сия последняя действует отрицательно и сократительно на древнее бытие Руси и особенно Новгорода, умаляя до возможной степени пределы оног известны исторически; напротив система Венелина стремится расширить древнее бытие Руси за исторически-обмеренные пределы оног и во времени, и в пространстве. Что касается до второй из новых школ, т. е. Байеро-Шлецеровской, то впадение в крайнюю односторонность ее положительного учения, мы признали уже к системе Сенковского, которая зато (с другой, критической стороны своего состава) означилась возвращением к давнему, теплему верованию *общественного человека* в живые исторические предания, в народные песнопения и особенно повести или сказания (Саги), до *похорон* Истории под письменным Летописаньем! Но поворот положительного учения сей школы к Ломоносовской (с ее *Северозападной* стороны) сделан еще Карамзиным (стр. 12). Незабвенный Историк наш хотя и принимал

Скандинавское происхождение Варяго-Руссов, однако чувствовал *Словенизм* их, созерцая без систематического предубеждения древние события Руси. Потому хотя он уступил Систематику-Шлецеру и признал основательным то мнение, что Варяги-Русь были родом из Шведского Рослагена; однако не отверг и пребывания их на Северо-Западе, почитал вероятным переселение их из-за моря сначала в Пруссию, где, обитав долго между Латышами, они могли уразуметь язык Словенский еще до пришествия к Словенам Новгородским и тем удобнее примениться к их обычаям (Т. I. стр. 50).

Таковым представляется мне значение новых и новейших систем взятых вместе, в их взаимной систематической связи и историческом последовании.

(а) Ученый Чеботарев, как известно, по повелению Екатерины Великой — составлял *Выписки* из всех древних Русских Летописей, послужившие основанием для Ее *Записок касательно Российской Истории* (изд. в 6 ч. 1793—801 г.). Сим делом он занимался вместе с товарищем своим *Барсовым*, учеником и наследником *занятий и славы Ломоносова*, по выражению незабвенного Муравьева. — В жизнеописании Чеботарева (см. изданный Моск. Общ. Любит. Росс. Словесн. *Речи, произнесенные в Торж. Собр. ИМП. М. У. Рускими Профессорами оного*, Ч. I. 1819) говорится об ненапечатанной *Русской Истории*, составленной Чеботаревым для слушателей его; об ней упоминает и Греч (в *Опыте Краткой Истории Русской Литературы* 1822 г.). Я видел отрывок из нее у одного из бывших в 1785 году его слушателей — М. В. Могилянскою, — откуда и узнал предложенное здесь мнение Чеботарева о Руси, кажется ему первому и принадлежащее, но доселе еще ему неувоенное.

(27.) Река Рось, названная *Русью* в Софийском Временнике и в одной из Украинских песен, протекает в Киевской Губернии и впадает в Днепр при селе Пекарях, против села Прохоровки, верстах в 6 ниже Канева и в версте ниже Днепровского острова Ковержина; речка *Росава* впадает в нее с левой стороны при селе Гамарне. — Исторические, привольные места сии назывались *Порусьем* или *Поросьем* (подобно Посулью, Посемью, Поволожью); а жители оных мест — *Поросьянами* или *Порсянами*. Поросье служило вообще местом поселения или слобод для разных народов. Так в 1031 году «Ярослав и Мстислав идоста на Ляхи и заяста грады Червенские опять, и повоеваста Ляцкую землю, и многи Ляхи приведоста и разделивше я, Ярослав посади я по Рси, иде-же суть и до сего дне.» В Поросьи поселены были также Черные Клобуки, Берендеи и Торки, жившие и по левой стороне Днепра в Переяславской области («Торки Переяславстии»). И в среднем периоде на этом Поднепровьи поселялись Запорожские Козаки. — (О местных названиях по имени Торков и прочих, равно Козар, Печенегов, будем говорить при другом случае).

Кроме Роси, в Днепр втекает еще (в Екатеринославских степях) речка *Русинова Балка*. На Боплановом чертеже Украины показана другая *Росава*, небольшая речка, впадающая с левой стороны в Днестр при г. Ямполье. — В Книге Большого Чертежа упоминается еще речка *Руса*, по Путивльской дороге, впадающая в р. Семь с правой стороны, верстах в 25 ниже г. Рыльска (Курской губернии).

Можно бы привести еще и другие местности сего имени в России; но по неизвестности о времени и поводе их названия (и по неприведению еще в известность всех *местных* имен рек, урочищ — в наименовании коих Ходаковский замечал особую систему), — они не могут еще привести к прямым заключениям.

Здесь еще припомним только, что правый рукав Немени издревле называется *Русом* или *Русою*, без сомнения от Руссов: но когда он получил это имя, а окрестности его названы *Порусьем*?

(28.) Шлецер говорил, что в этих делах Игоря кое-что прибавлено Нестором *из патриотизма*; но Арабские писатели прибавляют к победам Руссов и еще кое-что (неизвестное нашему Летописателю) — кажется не из патриотизма!

(29.) Не знаю, назывались ли *Руссами* прежде Святослава Болгары на Дунае; но во время Святослава там очень могло простереться имя Руси на Болгар.

(30.) «Се-бо токмо Словенск язык в *Руси*: Поляне, Деревляне, Новгородьци»... (*Лавр. Сп.*)

(31.) Собирательное имя народа — Русь, как *Чудь*, *Серебрь*; а единичное — *Русин*, как *Чудин*, *Болгарин*, *Сербин* или *Серблянин*; но во множественном не *Русины*, а *Руссы* (Киев. Лт.) и *Русичи*. (Песнь Игорю), как. Чуди, Сербы, Болгары. Так говорится *Татарин*, *Татары*; а в собирательном смысле по-Украински говорится *Татарва*.

(32.) Такими же корыстниками и головорезами представляются Варяги Норвежские, с Конунгом своим Эймундом, и в собственных сказаниях о службе своей на Руси у В. К. Ярослава. Эти сказания составляют известную *Сагу Эймундову*, действительно важную для нашей Истории времен Ярослава (вопреки Шлецеру!).

(33.) Было ли племенным имя *Варяга*? не от Птоломеевых ли еще *Варгионов* (близ Рейна) оно распространилось? — это не решено еще; а между тем уже много значений надавали сему слову. — Древнейшее производство Варягов есть то, что они суть Словены *Вагры* или *Вагиры*: так думали еще Стрыйковский, Герберштейн и другие иностранные Ученые, как и у нас в прошлом веке (Прим. 54); а ныне так думает Каченовский с своими последователями. Вельтман (в Ж. М. Н. Пр. 1834 № 12) ведет Варягов от *Фереингов* — Кельтического сброда на островах Фэрских (между Шотландией в Исландией).

Однако же большая часть Ученых имя Варяга производят от качества или звания. Одни производят от *Vargus* —изгнанник, бродник; другие от *Wargr* — волк (Прим. 17); иные от Готских *федератов*-союзников, и *ферингаров*-защитников, стражей; — от *варганг* — чужеземец; — от *Varech* — и потому разумеют моряков; — от Немецкого слова *War* — война; либо от Финского слова *вар* — по-Русски *вор* и разбойник: так и действительно у нас изъясняли (см. стр. 44) имя Варяга — *ворягою*. Тредьяковский производил от Словенского слова *варяю* и принимал Варяга в смысле обывателя, старожила, «предтечи» Европейского; другие производили еще от Лопарского слова *варьиот* — вооруженный; Бутков производит от Поморско-Словенского слова *варянг* — меч, по которому Варяг значит *меченосец*, какими и были Варяги у нас, *Варанги* у Греческих Императоров. Есть производства Варягов еще в другие звания; но довольно и этих, для показания, что все они хотя ни сколько не сходны между собою, но удивительно как идут к Варягам. — Откуда бы ни взялось имя Варягов, но их первое появление к нашим Северным старожилам, их первое значение в нашей Истории было *вражеское*; потому — исключительно для любителей словопроизводства — прибавляю новую догадку: не значит ли слово *Варяг* просто *враг*, *ворог*, а по Северному произношению *вораг*? (Так слово *храбрый*, напр. в Песни Игорю и Украинских песнях, было — *хоробрый*, а в Великорусских песнях, собранных Киршею — *хорабрый*). — Если бы и в самом деле явились впервые к нам Варяги, под каким-нибудь из вышеприведенных имен, то оно все-таки могло быть Словенами и Чудью оборочено на значение *ворога* или *врага*, в каком отношении сперва и были к нам Варяги, — они могли так-сказать перевести на свой язык и *Фереинга* и *Варгера* и *Варанга*, — как Неметов Словены перевели *Немцами*, с придачею смысла немоты; (как и теперь наши простолюдины переводят экзекутора — *секутором*, дилижанс — *нележанцем*; как Латинскую *жизненную воду*, *Aqua vitae*, Украинцы переделали в *оковитую*!). Прозвание *Норманов ворогами* могло обратиться в народное название *Варягами*, подобно тому, как Куманы (от р. Кумы?) почему-то у нас названы *половцами*, т. е: ловцами или охотниками, а

потом это прозвание обратилось в народное имя *Половчин*, *Половцы* (а не *Пóловцы* или *Полóвцы*).

(34.) Известны сношения Изяслава с Папою Григорием VII, по смерти Феодосия в 1074 г. и письмо Папы к Князю в 1075 г. Видно, что Изяслав обращался к Феодосию с вопросом о *Варяжской вере*, замыслив уже о сих сношениях; потому ответ исполнен сильных и резких изображений, для отвращения Князя от его намерений и утверждения в Православии, в насаждении коего величайшим у нас вертоградарем был Преподобный Феодосий, смело и сильно ревновавший и к укращению уже возникавших *усобиц* Княжеских.

(35.) Здесь в Уланов обращены *Аланы*, коих Остатки поныне есть между Горцами Кавказскими.

К числу немногих будто *анахронизмов* Несторовой Летописи, коими доказывают, будто она не могла быть писана в XI веке, — принадлежит, даже слово *Немец*, которое признают зашедшим к нам от Балтийских Словен, а их переселение в Новгород предполагают в XII веке (Прим. 14). — Но разве слово это могло быть узно в Киеве не иначе, как только с переселением в Новгород самих Балтийских Словен, и именно Вагров? Когда бы ни переселились Вагры или Варги на Волхов (хотя бы и в XVI в., с Герберштейном), но в исходе XI века весьма могли знать о *Немцах* Киевляне и от других Словен Северозападных, например от Поляков, коих пребывание в Киеве до Нестора свидетельствуется и Западными того времени писателями, если уже не верить своим. Притом, для узнания Киевлянами Словенского имени Германцев, достаточно было в Киеве и одного выходца из Поморцев Балтийских, одного Киевлянина, ходившего к Словенам Балтийским! Но с возобновлением Несторо-Ломоносовского или старинного Русского мнения о *Словенизме Варяго-Руссов* IX века, с коими один *род Русский* составляли и *Вагры* (Голштинцы) и *Вильки* (Мекленбургцы), — подобные возражения возникать не могут, и те сходства, какие есть у нас с Словенами Прибалтийскими, изъясняются сами собою, историческая тайна этих сходств открывается просто!

(36.) *Восточным Царем* называли на Украине (в песнях, актах) Царя Московского; в Великорусии же Русский Царь величается *Белым Царем* (как и на Востоке) и *Православным*.

(37.) Сказанное здесь о значении слов *козак* и *гайдамак* подробнее изложено у меня в издании *Украинских народных песень* (Ч. I. 1834 на стран. 66-70, 80 и других). Приведенные в переводе стихи о *козацком рыцарстве* составляют конец прекрасной Украинской Думы (в издании IX-й) *об Иване Коновченке*, относящейся к 1684 г. В одной из войсковых козацких песень (№ 14, на стр. 149) встречается выражение: конь *лыцарский*. — Принятие и распространение имени *Козака* на Украине в XVI веке поясняет, каким образом имя *Русина* там распространялось и утвердилось в IX веке.

(38.) Сей Переяслов и в Лаврентьевском списке называется обыкновенно *Русским*, в отличие от Переяславля-Залеского.

(39.) «Молитвы оглашенные творити: Болгарину, Половчину, Чюдину преди крещения 40 дний поста, и с церкви исходити от оглашенных; Словенину за 8 дний.» (*Памятн. Росс. Слов.* XII в. 1821).

(40) Название Северных обитателей нашего Отечества Руссами, от Иностранных писателей, сколько известно, начинается в исходе XII века. Так Гельмольд повествует, что Южные берега Балтийского моря населены Словенскими народами, из коих от Востока первые *Руссы* (*Ruzi*), потом *Поляки*, у коих на Севере Пруссы. — Так в Привилегии Фридриха 1-го Любеку, 1188 г., говорится о *Рутенах*,

под коими Историки Ганзы и Каченовский разумеют Новгородцев, хотя это название могло быть более географическое, чем племенное.

(41.) Новгородским Летописцем во второй половине XII века был *поп, поставленный Нифонтом*. Сей Священник был Иоанн, он же и Архиепископ Илия — по предположению Митрополита Евгения (см. *Ист. Слов. Дух. Пис.* Ч. I.).

(42.) Еще Карамзин заметил по нашим Летописям, что Русью или *Русскою Землею* в древности у нас называлась преимущественно Киевская или Южная Русь. Мнение о переходе и распространении на Северные области Русского имени с нашего Киевского Юга, положено еще Чеботаревым (Пр. 26); но систематически оно развил в своей школе Каченовский, что и составляет светлую и прочную сторону его системы, которая для доказательства сего мнения, не опровергает свидетельства и Русских Летописей, основывается на них без систематического предубеждения и не подозревает их на сей раз ни в вымысле, ни в умысле.

(43.) Взятие Царьгорода Западными Крестоносцами и разорение Киева совершились в одном, 1204-м году.

(44.) Слова сии взяты из Песни о полку Игореве. — Из нее также я заимствовал и следующие за тем (как мне кажется Бояновы) выражения о Всеславе, Полочанах и Немене: «Немизе кроваве брезе... посеяны костьми *Руских сынов.*» — Последнее выражение встречается и у Нестора: «Сию бо (Ольгу) хвалить *Руские сынове* яко начальницу; ибо по смерти моляше Бога за Русь.» — Таким образом *родинное* чувство у нас выражалось понятием *сыновства*, по которому Певец Игоря и Русина называет *Русичем*, и Днепр величает *Словутичем* (т. е. Славичем, сыном Славы)... Из его же Песни я заимствовал также слова: *доски без князя* (т. е. без главной связи на кровле). «Уже дъски без кнеса в моем тереме златовърсем.» По древнему Русскому поверью, поныне ведущемуся, это *примета дурная*.

(45.) Таким образом и в Договоре 1228 г. Смоленского Князя Мстислава Давыдовича с Ригию и Готским берегом — *Русскою Землею* называются волости Князей Смоленского, Полоцкого и Витебского; а именем *Русина* и *Руси* ее жители.

(46.) — К выражениям, кои на 54 стр. отмечены числами 52 и 53.)

«Любящу *Руский бой*» — выражение, находящееся в Киевской Летописи под 1229 годом.

«Душа на Великой, а сердце на Волхове» — старинная Новгородская поговорка, которую — равно как и некоторые другие народные выражения — я заимствовал из сочинения Снегирева *Руские в своих пословицах*, 1831-1834. Автор приступил уже к изданию а другого плода трудов своих над предметами стародавней народности нашей — исследования простонародных Русских праздников.

Что не один Новгород называем был *Господином*, но и Псковичи этим именем величали свой город, о том см. *Ист. Кн. Пск.* Ч. I.

(47) О Немене, как границе между Россией и Пруссией, говорит Петр Дуисбургский (1326 г.). В *Повести о Флорентинском Соборе*, написанной 1440 г. Монахом Симеоном (который был с Митрополитом Исидором в Италии), находится следующее место: «а кони Митрополичьи гнали берегом от Риги к Любку на *Руску Землю*, и оттоле на *Прусскую* землю, и оттоле на *Поморскую* землю, и оттоле на *Жунскую* землю, и оттоле на *Свицкую*, и оттоле к Любку.» (см. *Др. Рус. Вивл.*)

(48.) В Волынской Летописи, под 1204 г., Роман назван *Великим Князем и Самодержцем всея Руси*. — В Червоной Руси или Галации поныне удержалось имя *Русина* для народа, язык называется *Русским*, а буквы для печати употребляются Словенские.

(49.) *Украиною* Киевская Область называется в Киев. Лет. под 1187 г. «О нем-же (Владимире Глебовиче) Украина много постана.»

(50.) Имя *малой Руси* упоминается в первый раз 1335 г., в Грамоте Георгия Князя Владимира-Волынского, сохранившейся в Кенигсбергском Архиве (*Ист. Мал. Рос.* Бантыша-Каменского, 1830. Ч. I.). — К сему же веку принадлежит и наименование *Великою Русью* Северной России, которая *Русью* называется 1340 г., в Грамоте Симеона Гордого; Иоанн же Васильевич Грозный, титуловался уже *Царем и Самодержцем всея Руси*. — Вероятно к XIV в. относится и прозвание *Белой Руси* этим именем.

(51.) Раскрытие сего *Русского духа* из Песни Игорю, представлено во второй статье моей, об этой Песне *относительно ее духа*.

(52. К. стр. 59.) Так Прокопий изъяснял название и Словен *Спорами* (от рассеяния), которое по Шафартику есть измененное имя *Сорбов* или *Сербов*. — Другие подобные сему словопроизводства Русского имени от Греческих, Еврейских слов, приводит Герберштейн в начале своего сочинения (*Regum Moscovit.*). — Название Руссов производили также от *русого* цвета волос, каковое объяснение делали и Византийцы, называвшие Руссов одноземцами Ахиллеса.

(52 а 53, к стр. 54, см. Прим. 46.)

(53. К стр. 61.) О Пруссе, как брате Кесаря Августа и родоначальнике Рюрика, давшем свое имя Пруссии — говорится в *Степенной Книге*, по мысли и наставлению Митрополита Макария составленной, и в некоторых списках Летописи (Архангелогородском, Алатырском). — Это мнение, принесенное к нам еще Глинским (по Татищеву), у нас сильно распространилось в половине XVI века; на этом, как историческом тогда мнении, сам Грозный Царь утверждал свои исторически-справедливые требования в письме к Баторию. В прошлом веке почти никто уже из наших Писателей, кроме Князя Хилкова, не признавал этой Пруско-Литовской родословной. Ломоносов упоминает об ней, но не принимает, — и его не поняли ни Миллер, ни Шлецер; а вслед за ними — и Погодин повторил (в *Рассуждении о происхождении Руси*, 1825 г.), будто Ломоносов выводил, Руссов из Пруссии «положась на свидетельство Степенной Книги о Пруссе.» Но Ломоносов имел совсем другие основания для сего мнения, которому он первый у нас дал учено-систематический вид, изыскивая Словенизм Руссов и их пребывание на Прибалтйском Западе, по указаниям Гельмольда и других Западных писателей; но он дополнил это мнение древне-Русским, *Несторовским* понятием о Варягах и Руссах, и учено-иноземным мнением средних времен о тождестве Руси с Роксоланами, и отрешил большую часть тех вымыслов, которыми; и наша и чужеземная старина (в XVI, XVII и четырехдесятилетие XVIII века) потешалась в своих исторических помыслах и школьных мудрованиях о происхождении и прозвании Руссов. В Ломоносовском. мнении прежние понятия о Руси сосредоточились и преобразились в *систему историческую*. Сею системою прекращается *первый*, длинный период Русской школы, которая зачалась из живых, своенародных стихий исторических, и вкоренилась еще на исходе XI века, в Киеве, *Повестию Несторовою*, при влиянии стихии Византийской; потом — в половине XVI века, в Москве, при сумерках Византийского света и веянии Западном — выросла она в родословное систематическое древо *Степенной Книги*, покрывшееся широколиственной сенью *Никоновской Летописи*; во второй половине XVII века, в Киеве, явилась она *Хроникою Софоновича* (1672 г.) и умножилась Латино-Польскими прививками *Гизелева Синописа* (1674 г.), почти целое столетие размножавшегося во всех Русских школах. Ее полный расцвет — с одной стороны начался *Ядром Российской России*, (в Шведском заточении Князя Хилкова, в

Вестеросе, 1715 г.); с другой, в Александро-Невской Семинарии, изобразился сотнями родословных кругов в стихотворном *Зерцале Историческом*, 1748 г. (см. Прим. 54). Наконец Русская школа завершилась (1754 г.) плодом ученых занятий Историей *Ломоносова* (^а), его историческою *системою*, — и ею обновленная и возрожденная явилась в свет в начале исторического века Великой Екатерины, в 1766 году, уже по смерти Ломоносова (1765 г.). Потому систему его я называю *ученою представительницею Старой Русской школы*, среди новых школ исторических, между которыми она — и как новая система, XVIII века — есть *старшая Русская школа историческая*.

Представляя по возможности полное исчисление *мнений о Руси* наших писателей, особенно старинных, — и утверждая, что на Руси в прежние века не считали Руссов ни Скандинавами вообще, ни Шведами в частности, я небесполезным считаю сделать здесь еще два следующие замечания против Шлецера.

1.) Нестор выводит Варяго-Руссов *не из Скандинавии* (как утверждал Шлецер вслед за Тунманом), но с Помория Балтийского (как показано в § 5 сего исследования): этим разрушается *первое* из доказательств тождества Руси с Шведами, а вместе и важный авторитет, на коем утверждаются две первые новые школы, от коего давно уже отложилась третья новая школа. 2) Доказывая тождество Руси с Шведами, Шлецер говорит, будто и в XVII в. *сами Русские считали, решенным делом*, что Варяги (т. е. Руссы) были *Шведы*. В доказательство такого неправильного понятия, он приводит из *Скарина* известие (на которое ссылались и другие), что во время Лжедмитриев, отряженный Новгородцами Архимандрит *Киприан* сильно настаивал, чтобы Шведского Королевича Карла избрать в Князя Московские и употребил такие выражения: «как примером Древности и Историю можно доказать, что за несколько сот лет до покорения Новагорода под власть Московскую, был Князь из Шведов Рюрик...» — Но из сего известия о Киприановых словах совсем не следует Шлецероваго заключения о мнении *Русских* в XVII в. относительно Руси. Слова Киприана относятся не к *Руси*, а единственно к лицу *Рюрика*, которого и Летописцы наши в средние времена называли только общее — *Князем Немецким* (см. § 4), под каким названием мог быть и Шведский, и Датский, и Прусский и Норвежский. Но в самом ли деле они почитали его Шведом, или же такая определенность произошла только на сей случай — от Новгородцев и Шведов, решение того не относится к вопросу о племени Руссов. В Синописе и *Зерцале Историческом* Рюрик также называется *Немецким* Князем; но в *Зерцале* он называется пришельцем из *Вагрии* (Прим. 54), а Руссы в обоих принимаются за *Словенский* народ.

Вместо сего указания на слова Киприана о Рюрике, я приведу еще одно из мнение Русских, принадлежащее к первой половине XVI века, а именно — мнение *Герасимова*. Историк *Павел Иовий*, Епископ Новокомский (XVI века), в *Книге о посольстве Великого Князя Василия Иоанновича к Папе Клименту VII*, пишет, что нашему ученому Гонцу *Димитрию Герасимову* предлагал он вопрос: не осталось ли у Москвитян — или в преданиях от предков или в свидетельствах письменных — памяти о Готах, которые за 1000 лет разрушали и опустошали Империю Цесаря и город Рим? — На это Герасимов отвечал так: «и Готского народа и Тотилы Царя имена весьма известны и знамениты; в ополчении том воевали многие народы, а больше всех Москвитяны; войска весьма еще умножились толпами Ливонцев и Волжских Татар; но все они названы были Готами потому, что Готы, населявшие остров Исландию или Скандинавию, были зачинщиками того ополчения.» — Откуда бы ни взял Герасимов это сведение, но из слов его — о столь сильном участии наших предков в Вендо-Готских ополчениях на Рим, в половине VI-го века — видно,

что он, зная довольно о древних Скандинавах или Готах, не считал их своими предками!

Здесь можем вспомнить вообще о сильных нападениях, какие в числе Вендских народов делали на Римскую Империю *Ругияны*, и о тех связях в каких издревле были *Ружаны* с Готами Скандинавскими. Правда, что *древних Ругиян* многие почитали народом Германского племени (подобно Тациту, который впрочем к Германцам относил и Венедов); однако были и такие, которые древних Ругиян относили к Словенскому (Вендскому) племени, как и позднейших Варяго-Руссов. Кто прав — это еще *вопрос*, который может быть решится и в пользу второго мнения!

(а.) В *Моск. Телегр.* 1827, Ч. XVIII, — помещен, под именем *послужного списка*, отчет Ломоносова в его ученых занятиях с 1751 по 1757 год, где означил он, что «по своей Профессии и в других науках учинил погодно» (в Химии, в Физике, в Истории, в Словесных науках). Так напр. в 1751 г. «он читал книги для собрания материй к сочинению Российской Истории: Нестора, за ним Приславли, большой Летописец Татищева первой том, Кромера, Вейселя, Гелмолда, Арнолда, и другия, из которых брал нужные эксцепты или выписки и примечания, числом 655 статьи.» В 1752 г. «Для собрания материалов к Российской Истории, читал Кранца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокопия, Павла Дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика»... В 1753 г. 1.) Записки из упомянутых прежде авторов приводил под статьи числами. 2.) Читал Российские Академические Летописцы, без записок, чтоб общее понятие иметь пространно о деяниях Российских.» В 1754 г. «Сочинен опыт Истории Славянского народа до Рюрика»... и т. д.

Вот доказательство учености Ломоносова, — не выставленной им напоказ, как *товар-лицем*, — вопреки Шлецеру, который в пылу своего неудовольствия за непризнание Байеровской системы, отказывал Ломоносову и вообще Русским Историкам в *учености* и обвинял их в *неученой фантазии*, как Нестора в выдумках из *патриотизма!* (прим. 28.). — Если Ломоносов и не нагромоздил в своем сочинении столько ссылок и выписок как Шлецер под Сводом Нестора, — то надо вспомнить, что он писал не *критическое исследование* и не *Свод Летописей*, но основанную на них *Историю Русскую*; притом же он писал за полвека до Шлецера Свода Нестора, когда не было еще для Русской Истории века Екатерины Великой. Говорят, критика работает для Историка: но много ли приготовили для Историка Ломоносова, до 1750 года, наши первые Критики — Татищев, Байер и Миллер?... И для учености бывает разный талант: для иной — *светлый луч мысли* из тмы сведений, хотя бы он казался и *фантастическим*, как Северное Сияние из мглы и хлада недосягаемых льдов полярных; для другой — *грозда сведений* под которою *ум заходит за разум*, от горячего, но темного брожения мысли.

(54.) Выше упомянуто (Примч. 6 и 33), что под именем Варягов еще в XVI веке некоторые Ученые разумели Заодерских Словен *Вагров* или *Вагиров*. — Это мнение у нас было в ходу в веке Елисаветы. Так известный сотрудник Байера Александро-Невский монах Никодим Селлий (из Датских реформатов, ум. 1746 г.) написал Латинскими стихами *Продром*, сохранившийся в Русском стихотворном же переводе, под именем *Зерцала Исторического Российских Государей* (^а), который 1748 года сделан известными в нашей Истории лицами *Амвросием* Зертис-Каменским и *Гавриилом* Кременецким, и поднесен Государыне Елисавете от имени Александро-Невской Семинарии. В нем читаете:

«В лета древношедшие сыны три Княжие,
Рюрик, Трувор и Синеи, вси братья родные,
Из *Вагрии* в Русскую вышли Землю званны,
И получили страны жребием метанны.»

Близкое к сему мнение (в *Моск. Наблюдателе* 1836 г.) изъявил Венелин, в статье своей, называемой *Скандинавомания*. Он за Варягов принимает *Померанцев*, полагая, что Нестор и его современная Русь Варягами называли только Померанских Словен. — «Нестор (по словам Венелина) дошедши до Вислы, так и машет рукою на

Померанию, говоря: *по тому же морю к Западу.*» — Но Нестор говорит также: «по сему же морю сядят Варязи семо ко *Въстоку.*» — О местопребывании Варягов-Руссов по Нестору, см. § 5. моего Исследования.

(а.) К Зерцалу Историческому (напеч. 1773 г. в *Древн. Рос. Вивл.* Ч. 1, а во 2 изд. в Ч. XVI — без родословных) Амвросий и Гавриил приложили от себя *три родословные таблицы*, для того, что «Генеалогия по сущей правде есть главнейший фундамент Российской Истории.» Я имею (от Г. Романовича) старинный список в лист сего Зерцала, при коем родословные таблицы на 43 листах представлены с отличным тщанием, во множестве *кружков*, где в полном цвету является Киевский Синописис. В одном из них главный Ружанин *Одоацер* (Одоацер, Одоакр), победитель Старого Рима, величается *Славенорусским Князем*, как и в Синописисе, и называется *Одонарец*: не есть-ли это настоящее имя сего Витязя, которое изменили перестановкою букв (как у Арабов Александр изменился в Эскандер), и не было ли оно сначала *Оттонарец*?... Так в именах Борисфен, Моровой, Клодовой, Боцарис — узнаны Словенские имена: *Берестин* — Шафариком, *Мировой*, *Кладивой*, *Бочар* — Венелиным так в имени Болгарского Царя, Арабами называемом Блатавар или Влатавац, узнано Словенское слово *Владавец*; так Плиниевое имя Северного океана *Magi Magusa* видимо — говорят — есть *Море Мороза*. Вспомним, что и по новой Латыни Декарт называется *Картезиусом*! — К моей догадке (в Опытте Гипотезы), что *Нарец*, *Нарцы* значат нарицателей или именователей (от слова — *реку*: *нарци* — назови, *рци* — словно) и обличают тот же народный смысл о первоначальном достоинстве человека, как и в именах *Словенин*, *Словенец*, *Словак*, — прибавлю здесь, что оно изменилось потом в *Норец*, *Норик*, и даже в *Нарочник* или *Нарученик*, т. е. Наречник, Нареченик — каковым именем назывались некоторые Заодерские Руссы или *Рудены* (по Силезским Грамотам XIII века): здесь буква *e* перешла в *o* и *y*, как и в слове *рок* (выговариваемом в разных местах *рик*, *рук*, — происшедшем от *реку*, *рек*, — как и Латинское *fatum* от *fari*).

(55.) *Огнищан*, упоминаемых в Русской Правде, многие почитают за одно с первостатейными Гражданами, или вообще за обывателей, хозяев дома с *огнищем*, *focus*. — Но Митрополит Евгений дает более прямое указание на значение сего слова: «Огнищем и ныне по Вологодской, Архангельской и Вятской Губерниям называется лес, выжженный для посева хлеба или льна; а земледельцы таким образом засевающие, прозываются *огнищанами.*» — (см. *Ист. Княж. Псков.* 1831 Ч. I. стр. 42).

(56.) Родоначальника Руссов Мирконд называет Иафетовым сыном *Руссом*. Племя Руси могло назваться так и по имени *Русса* (как бы он ни приходился Иафету), подобно тому как племя *Евера* назвалось *Евреями*; но еще вероятнее, что племенное имя Руссов обращено на Востоке в личное имя Русса, — как делали то и после Северные Словены, олицетворяя народы под именем *Русса*, *Славона*, *Вандала*; как Черкесы и Азиатцы других племен создают себе праотцев-героев, величая их своим племенным именем, и по значению его придавая им различные деяния. Это общенародное дело человеческой юности; и в старину часто таким образом имена лиц распространяли на народ, а имена народные сокращали в личные. И это имеет свой *смысл*, — который прежде являлся в простых наименованиях, в баснословных выражениях народов лицами; а потом послужил источником философско-исторических систем, глубоких и высоких взглядов на личность и возрасты народов, на идею целого человечества, как *величайшего человека*, на его возрасты, и т. п.

(57.) Две первые тетради Шафарикова сочинения уже вышли в свет, и перевод оных, делаемый Бодянским на Русский язык с Чешского, издается в Москве Погодиным.

(58.) В моем систематическом очерке человеческого рода (1831 г.) Финны отнесены к колену *Иафетскому* или Кавказо-Европейскому, также как и Руссы, и Словены, и Немцы.

Так называемый *Гиперборейский* или *Северный* вид, не есть особый, коренной и самообразный вид (species). Это, так сказать, оконечные на Севере ветви *Кавказского* (белого), *Монгольского* (желтого) и *Американского* (красного) видов человеческого рода. — Таким же образом и *Океанцы* не суть особый вид, но только смешение на Юг оконечностей *Кавказского*, *Монгольского* *Негрского* и даже *Американского* видов, которые в Океании приобретают общее подобие. — Так Малайцы полуострова Гангского и островов Архипелага Индийского составляют оконечное племя Кавказского вида, которым сей вид сливается с прочими видами на Юге. Так и Турецкое племя принадлежат не к Монгольскому, а составляет только переход к нему от Кавказского вида и оканчивается на Севере Якутами, — как Тунгусское племя от Монгольского вида переходит Бурятами. В Гиперборейцов и Океанцев соединены разные народы не по давнему и коренному сродству (affinitas); но только по их подобию (analogia), происшедшему от местности, позднейшего смешения и проч.

(Сие распределение мое вкратце помещено в Телескопе 1831 года; но подробно изложено было в сочинении моем *Сокращенная Система Животного Царства*, 1831. Ловецкий, во 2-м издании своей Зоологии (приводя мою Систему животных) упоминает об этом сочинении, которого действительно было в печати уже 124 страницы; но я не выдал его в свет, а теперь и совсем его нет на свете.)

(59.) *Полонинными горами*, в Повести о Флорентинском Соборе, названы Тирольские Альпы; вообще же *Полонинами* у Руссов Карпатских называются снежные горы.

(60.) Тацитов «*Nemus castum in insula Oceani*» многие полагают на острове Ругене. Я перевожу его старинным Русским выражением *заповедный луг*; ибо у Южных Словен луг значит то же что у Латин *locus, nemus*. Так и теперь по-Украински *лугом* называется собственно побережный луг, заросший лесом или дубровою; а поемный или заливной луг называется болоньем и лукою. — Потому в песнях Украинских встречается, например: «Ой не шуми луже, дубровою дуже!» или «Он не шуми луже, ты зеленый гаю!» слышите — *луговой гомон* (шум, гам). Потому в них для *луга* постоянный эпитет — *темный*, усвояемый часто и *лесу*; между тем в Великорусских песнях *луга* называются обыкновенно *зелеными* или *шелковыми*, ибо Великороссияне под лугом разумеют собственно безлесный луг.

ОБЩЕЕ ПРИМЕЧАНИЕ.

Большую часть Примечаний я предложил как дополнение и пояснение моего *Исследования* о Руссах и Варягах; но в иных я представил дополнение к *Послесловию* об ученых мнениях, состоявшихся на сей предмет со времени исторической критики оного. Эти мнения приняты в рассмотрение двояко: и как *особый* предмет Исторической Науки, и как общий исторический вспомогательный запас для открытия *искомой истины* — происхождения Руси. В обоих случаях надо было все многообразие ученых мнений, гипотез и систем рассмотреть и сравнить совместно, и привести их в общее единство, в одну *систему систем исторических*, — как поступает например с философскими и другими системами их *История*, как с Царствами Природы поступает Систематика Истории Естественной.

В Послесловии я представил общее теоретическое сравнение сих мнений, относительно их главного начала и существенного направления: при всем настоящем их разногласии, я попытался найти в их многообразии одну, для них самих незаметную *общую* мысль, посредством которой они, вращаясь ныне около той же искомой истины, могли бы войти в один правильный круг ее, принять новое, постоянное и дружное течение, к просветлению и себя, и общей им искомой истины. Эту *связь их*, по внутреннему *единству* общей мысли, я представил в виде *гипотезы*

гипотез — по свойству самого предмета; но при этом я обнаружил и необходимость нового теснейшего соединения многообразных частных направлений в одно направление общей *составной* силы, для раскрытия искомой истины, — тем более, что системы всех школ, с 1829-го по сей год, с возрастающею настоятельностью требовали переисследования, обновления нашей Древней Истории.

В Примечаниях я уже в частности представил вкратце *Историю* сих мнений и *систематическое* распределение их в разряды и школы, с показанием их признаков, по существенному значению каждого в их общей, взаимной связи и особенном отличии.

Из исторического хода мнений и предложенного систематического их определения, видно кажется, что оба *новые* разряда их, уже в самом начале своем и в своих основных положениях, были *половинчатые* и *односторонние*; каждый из них, развивая свою особую сторону или свою удельную часть искомой истины, являлся разными гипотезами и *системами*, которые потом выходили из пределов своей удельной истины: доходя до крайности и истощая в ней собственное начало своей школы, они впадали в направление другой, — или же для своего пополнения обращались опять к началам *Словено-Русской школы* и в них сводили концы свои, сходились *воедино*. Таким образом прежние начала или основания исторического догматизма и критицизма получали новую силу, становились опять уделом искомой истины.

При этом открывается и то, что Словено-Русская школа (Прим. 53), обновленная в *системе Ломоносова*, прямо заняла самое выгодное место *посреди* новых систем, и будучи плодом предшедших ей начал, при свете нового, зачалась *полною* и *обостороннею*. Это есть так сказать цельный компас, с постоянным *наклонением* Северного конца и с правильно-повременным *склонением* обоих к Западу и Востоку: Северного — от Одера к Ильменю, Южного от Волги. Новые системы разломали этот компас на две половины: одна совсем упала на Север от Новагорода, другая совершенно наклонилась на Юг от Киева.

Потому Ломоносовская система способна воспринять в себя действительные открытия новых, друг другу противоположных систем, преобразить оные в новый вид, и сама от них развиться в историческую систему — *более других полную* и *совершенную*; между тем как другие, новые системы по необходимости должны отрицать открытия противоположного разряда и теряться в разных предположениях — одни при изъяснении Северных, другие при изъяснении Южных событий Древней Руси.

Таковой полнейшей и совершеннейшей системы Ломоносовское мнение о Древней Руси содержит в себе только живой *зародыш*, для развития коего тогда недоставало еще тех критических работ над происхождением Руси, которые произведены после, по способам Болтина, Шлецера и Эверса. В ученом мнении Ломоносова много еще *своевременного*, равно как и в его деловом поборстве за Словенизм Руси, при обращении Миллера, оказавшего потом великие услуги: и Ломоносов не так бы конечно утвердил свое мнение о Руси в наше испытанное время! Но дело всеобъемлющего ума мы судим не по свершению, и не по своевременным недостаткам, но по тому чувству истины, с каким он прикасался к ней, — но по той мысли, с какою обнимал он предмет свой, хотя бы принимался за него и между прочим. И я не согласен с Историком Русского Народа, когда говорит он, что История не была *уделом* Ломоносова, хвалит только его красноречивое Предисловие об Истории, и напоминает какой-то поговор, будто он «писал по приказанию». — Вследствие ощутительной потребности тогда в Российской Истории, незабвенный Шувалов Историю Петра Великого поручил написать славнейшему в то время Европейскому Полигистору Вольтеру; а к сочинению

Истории России — Русский Меценат *ободрял** своего Русского Академика, своего ближнего сподвижника в Просвещения России — (как в век Александра, новый представитель Словесности нашей был ободряем от Него в великом подвиге сочинения *Истории Российского Государства*).

Профессор Химии на кафедре и в лаборатории Академической, Ломоносов был одним из первых *Физиков* своего века, первым *Словесником* в своем Отечестве — как Песнотворец и Вития, и как законодатель Русского слова: и каждое дело, за которое принимался он, может пожалеть разве о том, что для своего совершенства не было *исключительным уделом* всеобъемлющего человека, который *примечая* свою преждевременную кончину, говорил: «на смерть взираю равнодушно; я жалею только о том что не успел довершить, что начал для пользы Отечества, для славы Наук и для чести Академии».

«Профессор Химии (говорит Шлецер) сжалился над Русской Историей и написал — довольно сносное Руководство... был и в истории оракулом для своих соотечественников.» Но и в нынешнее время, вещание сего Холмогорского *оракула* и *учителя* нашего: *о разноплеменности Варягов, о Словенизме Варягов-Руссов, их пришествии к нам с Балтийского моря и древнейшем туда переходе с нашего Русского Юга* — я не усомнился предпочесть другим новым системам, — именно как начало и основание более других верной и полной *Системы о Древнейшей Руси*, способное к дальнейшему усовершению чрез раскрытие собственных начал.

К этому предпочтению привело меня *во-первых* — чтение Нестора и соображение с ним других старинных писаний Русских, на чем и основал я свое положительное мнение о Руссах и Варягах прочих в нашем Отечестве; *во-вторых* — рассмотрение и сличение новых систем и гипотез о происхождении Руси, в их постепенном ходе, взаимной связи и их общем отношении к искомой истине. Положи-...*

...хотел представить и характер времени и характер Летописцев». — Напротив Шлецер, в продолжение 40 лет не покидавший Русской Летописи, среди гигантских работ своего ученого критицизма, — оказавший важную услугу первым листам нашей Летописи, привязав к ним Атлантовскую ношу учености, — был самый упорный и односторонний Систематик своего мнения о Руси. Как Критик-Систематик, Шлецер *пронесся мороком* в нашей Истории, смутив на время ясность и простор ее небосклона, но просушив, и скрепив ее землю, — которую Карамзин покрыл *зеленым шелковым покровом* своего творения — этою светлою, цветущею весною *нового лета* Истории Русской! В 1816 году, ровно через полвека после *нового года* Русской Истории, настала эта весна ее: и Карамзин в своей *Истории Российского Государства* был вместе «первый наш Историк и последний Летописец», по выражению Пушкина. С кончиною Историографа (в 1826 г.) кончилось первое полугодие нового лета Русской Истории; и 1829 год был уже годом ее перехода за черту средолетия.

Появление 1-го тома *Истории Русского Народа* — как явление Фазтона в тропическом поясе для мореходцев — было главным показателем поступления Русской Истории в поворотный круг *систематизма*, в первую — общую или созерцательную степень онного. Полевой требовал «Истории, создаваемой Философией, по общей идее человечества, — очищенной от всех частных направлений, — отвлеченной от своего века, своего народа, самого себя». Такое требование было довершением наконец и в Истории Русской той *идеальности*, которая первоначально — как *Гений чистой Красоты*, с своей высоты поднебесной — слетела к нам Поэзией *Певца во стане Русских воинов*, возвестились

* См. письмо Ломоносова к Шувалову, 4 Января, 1753.

* В оригинале отсутствуют две страницы (*Примечание редакции*).

его *Лирою*, и развиваясь в 4-м отделе нового периода нашей Словесности, под конец оно обратилась в *философское направление*. Это направление в Истории, в том же году, явилось и в другом виде: *идеальным построением* Древнейшей Русской Истории, по законам логической возможности — в системе Венелина; а вместе с тем и мнительный произвол критицизма Шлецеровского достиг до *всеобщности*, и *скептического отрицания* нашей Древней Истории — в системе Каченовского, на основании той же логической возможности и вероятия, — хотя в обоих случаях с одною целию: достичь *достоверности* и действительности *исторической*. Два явления эти произошли в Южном, как новейшем разряде систем; но мы видели, что и других школ системы, в продолжение последнего, *систематического десятилетия*, возникли с разнovidным устремлением ко *всеобщности* и *всеобъемлемости*, к *перисследованию* и *пересозданию* исторической действительности**.

Но изданный в 1829 же году XII-й том Истории Карамзина как бы напомнил собою еще прежде названное ею направление для нашей Истории. В том же году и Поэзия наша — историческою *Поэмою* Пушкина *Полтавою*, и историческим *Романом* Загоскина — возвестила вступление Словесности нашей в новый круг *самобытности* и *своенародности*, составляющих собственное отличие и стремление нашего *вполне-исторического века*. Вскоре за тем (1830-32) воздвигся *Свод Законов*, с погодным *Полным Собранием* оных, как первый историко-систематический памятник нынешнего Царствования, как образцовое начало той полной и положительной Системы, которая довлеет нашей Истории!*

Строительный систематизм Философии, с высоты своего теоретического умоначертания, склоняется к направлению историческому, положительному; а непрестанно усиливающаяся собственно-историческая взыскательность доказывает на деле существование того направления, той желанной деятельности, о которой замышляют системы в строгих своих требованиях. — В какой мере уже сошлись и еще сойдутся эти два направления: то можно яснее видеть и точнее определить спустя еще одно десятилетие сего второго полугодия в *новом лете* Русской Истории. Можем сказать только, что необходимо должно быть слияние оных в одно живое и полное *исследование* всех подробностей и частных нашей прежней жизни, имеющее в виду будущее их соединение в одно стройное целое. — Идеальность философского созерцания обратила нас к *самопознанию*; а для него и чрез него мы обратились к *своенародности* и *исторической действительности*; сама Философия стала искать самопознания в Истории — как в опыте Прошедшего, в вековечной памяти Человечества, — в этой «священной книге народов, — в зеркале их бытия и деятельности», — по выражению Карамзина. И для Истории Русской теперь та рабочая, летняя пора, когда *высшая критика* ее — не отвлекаясь от всех частных направлений, не увлекаясь как-нибудь одним из них — должна собрать их все и обратить в одно живое, всеобщее, всестороннее и постепенное исследование богатства нашей прежней жизни, во всех ее многосторонних явлениях и разнообразных выражениях, — для будущей величавой Полноты, несомненной положительности и стройной целостности *Истории Русской*... «Из великого их множества (говорит Ломоносов) немало по общей судьбине во мраке забвения покрыто. Однако, противу мнения и чаяния многих, толь довольно предки наши

** Я не считаю нужным здесь распространяться о том, что *довершение* предыдущего периода бывает обыкновенно в то время, когда возникает *начало* последующего: и таким образом бывает современно несколько направлений, и часто старшенствует еще прежнее направление в периоде новонаставшем.

* Несколько мыслей моих о народности и положительности в Поэзии нашей высказал я в издании *Малоросс. песнь*, 1827, и в исследовании о *Песни Игорю*; а об современном направлении к самобытности и своенародности — в *Речи о Русском Просвещении, говоренной* в Московском Университете, 1832 г.

оставили на память, что применяясь к Летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины.»

В заключение сего общего Примечания, предлагаю сокращенно *историко-систематическое обозрение мнений о Руси* (при составлении коего приняты во внимание их первое появление и обнаружение на Русском языке и распространение у нас в общественном мнении).

I.—Первую или *Словено-Русскую* область исторических мнений о Руси составляет *Старая* или *собственно-Русская, Несторо-Ломоносовская школа*, основанная на преданиях отечественных, на живых и своенародных исторических свидетельствах, ознаменованная верованием в их положительность и единством мнения и *Словенизме Руси*.

1.) От Нестора до Ломоносова продолжался *первый — Догматический* или *Монастырский* период Словено-Русской школы (Прим. 53), ознаменованный господством простого, догматического верования в показания исторических свидетельств и понятий. В семи-вековом развитии сего периода можно различить следующие степени:

а.) *Летосказательную* или *Древне-Русскую* — от Несторовой *Повести временных лет*, с исхода IX века, — продолжавшуюся около пяти столетий.

б.) *Родословную* или *Московскую* — от Макарьевской *Степенной Книги*, с половины XVI века, — господствовавшую в Великой России два столетия.

в.) *Синоптическую* или *Киевскую*, — *Монастырско-Академическую*, — начатую *Хроникою Софоновича*, 1672 г., и ознаменованную господством Гизелевского *Синописа*, напечатанного 1674 г. — Влияние Синописа в Великой России усилилось с 1714 г., и в С. Петербурге слилось в одно *родословное* направление *Зерцала Исторического*, 1748 г. — Ломоносов, своим *Кратким Летописцем Российским*, 1760 г., заключил первый период Словено-Русской школы, и *первое лето* Истории Русской.

2.) *Российскою Историей*, изданною 1766 г., доведенною до 1054 г., Ломоносов положил у нас основание *второму* или *Академическому периоду* Словено-Русской школы, ограничив ее прежний догматизм новым ученым критицизмом, еще до него начатым у нас 30-летними трудами Татищева, с 1719 г., и трудами Байера, вызванного в Академию Наук 1726 г. — Словено-Русская школа, после сего обновления, господствовала у нас еще до 1788 г., — хотя без дальнейшего возвышения, но зато с богатою прибылью от обнаружения ее памятников исторических: потому она и во *втором* или *Критическом* периоде нашей Истории есть *старшая историческая школа*. — Ее возобновление в новейшем или Систематическом периоде начинается 1836 г., разысканием Морошкина (Прим. 20) и предлагаемым ныне моим сочинением.

II — Вторую область мнений о Руси составляют *новые мнения*, зачавшиеся во *втором — Новом* или *Академическом* периоде под перевесом критического, более или менее произвольного исследования и толкования исторических свидетельств, при *отрицании* Словенизма Руси и разномыслии о ее племени и происхождении.

1.) Первый, *Северный разряд* новых мнений, принимающий *Русь не-Словенскую Забалтийскую*, явился 1735 г., с одной стороны — Академическими Рассуждениями Байера, с другой — критическими Примечаниями Татищева (составлявшими первый том его сводного Летосказания, названного *Российскою Историей*). — Рассуждение первого по-Русски явилось 1767 г., в переводе...*

...Хотя Россияне со Славяны разного происхождения конечно, но отвращение не находится между ими. — Стриттер откуда уроженец?»... и т. д. — По собственному мнению Государыни, *Руссы* были особый древнейший народ, населявший Великую Россию еще до пришествия Словен, кои около 480 г. овладели ими, передали им свой язык и смешались с ними в один народ *Словено-Русский*; по кончине Гостомысла в 860 г., сии Словены-Русь соединились с Варягами-Русью, пришедшими с сыном Короля Финляндского, Рюриком и его братьями. — Замечу здесь и то, что «Собиратель Записок» первый обратил, внимание на сравнение *Российской Истории* с *Историями современников Князей Русских* каждого века, дабы «усмотреть умоначертание всякого века.» Ломоносов указал сходство и различие исторической жизни России только с жизнью Старого Рима.

* В оригинале отсутствует одна страница (*Примечание редакции*).

2.) Второй, *Южный разряд мнений* о Руси начался в 30-тые годы, в Московском Университете, лекциями и записками Чеботарева.

а.) Эверсовыми критическими Исследованиями, сей разряд образовался в *третью новую* школу, разнообразнейшую в своем понятии о племени, принимаемой ею *Черноморской не-Словенской Руси*. — Начало у нас сей *Чеботарево-Эверсовской школы*, (при господстве *второй*) можно положить с 1825-26 г., с Погодинских переводов Эверса и Неймана. Усиление и видоизменение оной было в 1834-35 г., в системе Каченовского, начавшейся 1829 г.

б.) В 1829 же году сей разряд умножился *системою Венелина*, принимающей *исконное* или незапамятное пребывание в нашем Отечестве *Руссов*, одноплеменных *Словенам*: это переход сего разряда к Словено-Русской школе, с Юговосточной ее стороны.

И так, от *первого появления*, Северному разряду ныне уже минуло 100, а Южному 50 лет.

Конец.